

РАМЧАДАЛА

СОЧИНЕНІЕ

И. Калашникова.

ЧАСТЬ I.

Второе изданіе.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

1842.

№ 15955/1-2

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ 2. выд.

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, декабря 11 дня 1841 года.

Ценсоръ П. Корсаковъ.

53292/1

ВЪ ТИПОГРАФІИ А. ЮГАНСОНА.

Купцовъ: Жоловова.

15315

ОТЪ СОЧИНТЕЛЯ.

Благосклонный приемъ публикою первого моего романа: Дочь Купца Жоловова, и особенно лестные отзывы о немъ лучшихъ нашихъ и даже иностранныхъ литераторовъ, дали мнѣ смѣлость издать еще романъ, въ томъ же родѣ и духѣ написанный. Романъ сей не по происшествію, но по мѣстности своей, есть нѣкоторымъ образомъ продолженіе первого: здѣсь и тамъ дѣйствіе происходитъ въ Сибири, и такимъ образомъ оба сіи ро-

мана знакомятъ читателя съ сибирскою природою и туземными обитателями. Въ обоихъ я старался сохранить и отпѣнки сибирскаго нарѣчія; но какъ въ прежнемъ большая часть словъ сибирскихъ, употребленныхъ въ нынѣшнемъ, уже объяснена: то я и не считалъ нужнымъ дѣлать таковымъ словамъ вторичнаго объясненія. Слова же и изрѣченія, вновь употребленные, напечатаны курсивомъ.

Описываемое мною въ настоящемъ романѣ происшествіе, имѣющее сценою своею Камчатку, я отнесъ къ концу прошедшаго столѣтія, когда управленіе Камчатки было еще устроено на общемъ Учрежденіи о Губерніяхъ, и когда большая часть Камчадаловъ еще сохраняла вполнѣ свою вѣру и обычаи. Послѣ же того положеніе ихъ весьма измѣнилось и въ худомъ и въ хорошемъ отношеніяхъ, какъ то: ПЕРВОЕ: они претерпѣли ужасную повальную болѣзнь, истребившую, въ началѣ минувшаго цар-

ствования, большую часть народонаселения Камчатки, такъ что въ острожкахъ, имѣвшихъ душъ сто и болѣе, осталось послѣ оной не болѣе пятнадцати, а индѣ и меньше; ВТОРОЕ: приняли вѣсть христіанскую вѣру, а съ нею вмѣстѣ и многіе русскіе обычаи, и ТРЕТІЕ: получили удобнѣйшее и сообразнѣйшее, какъ съ нравами ихъ, такъ и вообще съ мѣстными положеніемъ Камчатки управленіе, и въ быту своемъ во многомъ улучшились, особенно со времени пребыванія въ Камчатку Петра Ивановича Рикорда, оставившаго по себѣ память начальника умнаго, безкорыстнаго и проникнутаго живымъ рвеніемъ ко благу вѣрною ему страны.

I.

НОВЫЙ МЕТАФИЗИКЪ.

Камчатка! Вотъ слово, которое и въ самой Сибири, т. е., по мнѣнію многихъ, въ царствѣ вѣчной зимы, составляетъ предметъ страха и удивленія! Какова же должна быть сія страна? Но ничего не бывало! И Камчатка, какъ и всякая другая страна въ мірѣ, имѣетъ свои невыгоды, правда; но и свои выгоды, свои бури и свое вѣдро, свои снѣга и свои цвѣты. Преимущественно внутреннія земли пользуются климатомъ весьма умѣреннымъ и даже, можно сказать безъ увеличенія, благораствореннымъ; берега хотя менѣе плодородны, но также нельзя

назвать, особливо восточный, совершенно неудобными къ народонаселенію; только одна южная часть, называемая *Лопаткою*, отличается суровостію климата и бесплодностію почвы: это есть обширная, съ юга на сѣверъ болѣе ста верстъ простирающаяся, бесплодная пустыня, въ самой южной оконечности необитаемая и покрытая тундрою, далѣе же къ сѣверу загроможденная сопками (*), придающими ей видъ, особенно со стороны моря, самый дикій и печальный.

Посреди сего необъятнаго кладбища природы, въ окрестностяхъ рѣки Озерной, по юго-западному берегу моря, въ первыхъ числахъ ноября, тянулось нѣсколько санокъ, по-камчатальски: *шежхедовъ*, запряженныхъ собаками. Въ каждомъ *шежхедъ* было по дѣлому цугу, или, по-тамошнему: по *нарты* (**), собакъ, т. е. по пяти, изъ коихъ четыре были заложены попарно, а пятая—впереди. *Шежхедъ* есть самыя легкія санки, состоящія почти изъ однихъ ползковъ и четырехъ довольно высокихъ копыль-

(*) Сопка, остроконечная гора.

(**) Въ Охотскѣ и въ другихъ сѣверныхъ мѣстахъ нарты называются самыя сани.

евъ съ укрѣпленною на нихъ ремнями тонкою рѣшеткою, на которой помѣщается сѣдокъ. Двумъ сѣдокамъ на одномъ шежхедѣ ѣхать нельзя, а потому и въ описываемомъ нами караванѣ путешественники сидѣли каждый на особомъ. Въ одномъ изъ нихъ сидѣлъ старикъ съ большою сѣдой бородою, но еще свѣжимъ лицомъ, въ чертахъ котораго была замѣтна особенная доброта и кроткая важность, спутница лѣтъ и опытности. Подлѣ него двигалась длинная, нескладная фигура, которой ноги едва умѣщались на полозкахъ (*), руки преважно были сложены на груди, а маленькая, со вздернутымъ носомъ, одноглазая головка значительно обозрѣвала вокругъ себя, показывая видъ глубокаго вниманія и размышленія. Впереди сихъ путешественниковъ ѣхала дѣвушка, повидимому, лѣтъ шестнадцати, собою прекрасная, смотрѣвшая съ величайшею беззаботливостію на окружавшіе ее предметы, и то приближавшаяся къ каравану, то вдругъ пускавшая собакъ рысью и далеко уѣзжавшая отъ своихъ спутниковъ. Всѣ трое были одѣты по-камчадальски, съ тою только

(*) На шежхедахъ сидятъ обыкновенно, спустивъ ноги на правую сторону.

разницею, что старикъ и дѣвушка имѣли на себѣ платье наряднѣйшее, нежели ихъ товарищъ; различія же между мужскимъ и женскимъ платьемъ не было ни какого. На двухъ первыхъ были оленьи *парки*, т. е. похожія на рубашку, съ узкими рукавами и съ кулемъ назадъ, для прикрытія головы вмѣсто шапки, вывороченныя вверхъ шерстью шубы, у которыхъ вѣротъ и подолъ были обшты щеголеватымъ, по-камчадальской модѣ, подзоромъ, и опушены бобромъ; на длинномъ же товарищѣ ихъ была надѣта, подобная паркѣ, только меньшей длины, съ широкими рукавами, *куклянка*, сшитая частію изъ звѣриныхъ, а частію изъ птичьихъ кожъ, съ такимъ же кулемъ, какъ у парки, и, сверхъ того, съ длиннымъ хвостомъ. На ногахъ у старика и дѣвушки были *торбасы*, т. е. сапоги съ красными изъ тюленьей кожи головами и съ замшевыми голенищами, также украшенными преузорочными подзорами, а на спутникѣ ихъ *камасы*, или сапоги, изъ оленьей кожи вверхъ шерстью. Само собою разумѣется, что такой же нарядъ имѣли на себѣ челоѵка четыре Камчадалъ, сидѣвшихъ въ остальныхъ шежхедахъ.

Караванъ тянулся по горѣ. День былъ довольно теплый, въ отношеніи ко времени, но

сумрачный. Сѣрая облака висѣли грядами по небу, далеко, далеко простираясь на юго-западъ по безпредѣльному горизонту, и, наконецъ, сливаясь съ водами океана, посреди котораго, на самомъ краю небосклона, возвышался выходящій изъ безднъ уединенный *Аландъ*, вѣчно курящійся, какъ неугасимый жертвенникъ Бога Вселенныя (*). На сѣверо-востоцѣ, среди синѣвшихся хребтовъ, также курилась многія горы, межъ которыхъ владычествовала сопка *Опальная*, неуступающая высотой *Тенерифскому Пику*. Вообще же горы были покрыты снѣгомъ, по которому, при подошвѣ ихъ разстилался въ падяхъ густой туманъ, какъ вѣчный трауръ сей печальной страны. Вокругъ, на великое пространство, не было видно ни одного деревца, на которомъ взоръ, утомленный скучнымъ единообразіемъ, могъ бы отдохнуть, какъ при встрѣчѣ со своимъ знакомцемъ; не было ни одного существа живаго, какъ въ области смерти. Кругомъ все молчало! И только глухой, протяжный, подобный самому отдаленному, но великому грому,

(*) *Аландъ*, огнедышащая сопка, стоящая посреди моря, въ разстояніи верстѣ 50-ти отъ берега.

вѣчный стонъ *сулоевъ* (*), нарушалъ безмолвіе пустыни: да еще доносились изрѣдка по вѣтру дикой ревъ сивучей и пронзительные крики чайекъ, кружившихся вдаль надъ моремъ.

— Смотри-ка *Камакъ!* — сказалъ одинъ изъ Камчадаловъ своему товарищу. — Вѣдь эти чайки ужъ вѣрно завидѣли кита дохлаго.... Да куда ты смотришь? Вонъ направо-то, къ Алаиду!

«Вижу, вижу теперь! — отвѣчалъ *Камакъ*. — Да что толку! — прибавилъ онъ съ неприятнымъ огорченіемъ. — Вѣдь намъ, братъ, и кошочкой поживиться не удастся!»

— А можетъ статья, и никто не поживится кромѣ *Гамуловъ* (**)! Вѣдь они, братъ, не по нашему ловить-та умѣютъ!

«Неужто?»

— Знать, ты не говаривалъ со стариками?... Какъ же! Вѣдь, *Гамулы* только и дѣла дѣлаютъ въ *Опальной* сопкѣ, что китовъ варятъ да бѣдятъ, а ловятъ ихъ по ночамъ.

(*) *Сулои*—валы, ходящіе во время прилива и отлива. Между первымъ Курильскимъ островомъ и Лопаткою *сулои* бываютъ такъ велики, что въ самую тихую погоду имѣютъ отъ 20 до 30 саж. высоты.

(**) *Гамулы* - Духи.

«Вишь ты! А что, въ Аландѣ есть они?»

— Въ Аландѣ-та? Этого не знаю: вѣдь, эта гора не на своемъ мѣстѣ.

«Что ты говоришь?»

— Да точно такъ! Вишь, она прежде стояла на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь озеро, изъ котораго течетъ *Игдыгъ* (*) ...

«Врешь?»

— Да такъ! Вишь, она была всѣхъ тутъ выше: такъ прочія горы и стали на нее всѣ сердиться, да бранить ее... Ну, слышь, житья ей не было! Вотъ она, терпѣла, терпѣла, наплевала на нихъ, да и ушла на море...

«Экое чудо, царень!»

— Да ужъ чудо не чудо, а такъ точно! Видишь ли: вонъ одна гора, какъ будто чѣмъ сдавлена, какъ будто кто ступилъ?

«Вонъ эта-то, что направо?»

— Да, да!

«Вижу. Такъ что же?»

— А то, что когда Аландъ сталъ подниматься съ мѣста, такъ оперся на эту гору, да и сломилъ съ нея вершушку...

(*) Рѣка *Оверная*, вытекающая изъ Куридьскаго озера.

«Видишь ты! А кабы, братъ, онъ и всѣ горы-та посломалъ бы, то-то бы хорошо! Закатывай бы на собакахъ да и только, а ужъ упасть не бойся!»

— А по мнѣ: такъ лучше, кабы всѣ онѣ въ море перебрались; да нѣтъ, братъ, и изъ нихъ не всякая въ воду-то идетъ...

«Неужто?»

— Да точно! Вонъ гора Шевеличъ (знаешь, что недалеко отъ Нижне-Камчатска?) стояла прежде на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь *Кроноцкое* озеро. Тутъ, слышь, ей житья не стало отъ еврашекъ: принуждена была перейти на нынѣшнее мѣсто, а въ море не пошла!

«Не пошла? Видишь ты! А, вѣдь, баютъ старики, что всѣ эти горы понадымалъ *Кухта* (*)»

— Вѣстимо, что онъ, тюлень проклятый! . . . Вонъ, смотри-ка въ эту сторону-то!

«Въ эту?»

— Да! Видишь, бѣлѣется-та? Вѣдь это его *баты* (**).

(*) Богъ камчадальской.

(**) Въ девяти верстахъ отъ рѣки Озерной есть бѣловатый утесъ, который имѣетъ видъ челонокъ, поставленныхъ перпендикулярно.

«Э!»

— Да такъ! Онъ вѣдь въ здѣшнихъ мѣстахъ жилъ.

«А откуда же онъ прикочевалъ сюда?»

— Откуда! Вѣдь онъ прежде жилъ на небѣ.

«Что ты врешь?»

— Право! Вишь ихъ было три брата: одинъ жилъ на небѣ, другой на морѣ, а третій въ аду....

«Что же они тамъ дѣлали?»

— Ничего! Жили, какъ *тоіоны* (*).

«Вишь ты!»

— А послѣ Кутха съ сестрой своей, *Хутлыжичею* съ неба-та сошли....

«Знать, надоѣло?»

— Кто ихъ знаетъ! Да и землю-та съ собою стащили. Сперва Кутха жилъ не далеко отъ рѣчки *Улкаль - Вай*... ну знаешь, что течетъ... если ѣхать по берегу отъ устья рѣки Камчатки въ Корякскую землю, по-русски: на сѣверъ?

«Какъ не знать! Вѣдь на этой рѣчкѣ моего отца медвѣдь драгъ, и съ тѣхъ поръ еще все дразнилъ его *бранкою*....»

(*) Тоіонъ—начальникъ.

— Такъ долго ли, коротко ли тутъ жилъ Кутха, никто не знаетъ; только, подь конецъ, разсорился со своей женой, схватилъ ее за волосы да и давай таскать....

«Дѣло!»

— Такъ ее, слышь, отстряпалъ, что на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ билъ ее, сдѣлалась ложбина и потекла рѣчка....

«Вишь, братъ, онъ сердитый!»

— Да знать, что такъ! Вскорѣ послѣ этой драки онъ и переселился въ здѣшнія мѣста, да и промыслялъ рыбу, разъѣзжая по морю вонъ въ этихъ батахъ....

«А что? И рыбы много ловилъ?»

— Говорять, что де видимо не видимо!

«Эка, братъ!»

— А потомъ вдругъ, наскучило что-ли, бросилъ баты, да и пошелъ на лыжахъ куда глаза глядятъ: вотъ тогда-то горы-то и понадѣлались!

«Неужто? Да какъ же это?»

— А вишь, говорятъ, что онъ ужъ де больно крѣпко шлёпалъ ногами, такъ что всю землю исперепортилъ; она де гнулась подъ нимъ, какъ тонкой лёдъ, да такъ и осталась: вотъ и стали горы!.... Чтобъ ноги-та у него отсохли!

«Ужъ подлинно: чтобъ отсохли! Экой сивуча! Да что онъ, мухомора что-ли объѣлся (*)?»

— Кто его знаетъ! Вишь, окаянный, расходился! На добро, такъ вѣтъ его, а спакостить, такъ его дѣло! Чтобъ ему...

«Слышите ли, отецъ Петръ — сказалъ длинный путешественникъ своему пошлому товарищу — какъ Камчадалы чествуютъ своего Кутху за то, что надѣлалъ горы?»

— Да! — отвѣчалъ старикъ. — Они повторяютъ это при каждомъ спускѣ и подъемѣ съ горы, потому-что хуже и глупѣе своего Кутхи ни кого не почитаютъ. Что дѣлать? Сколько я ни старался, въ теченіе цѣлыхъ сорока лѣтъ, проповѣдывать здѣсь имя Христово, все почти понапрасну: знать, не угодно еще это Его святой волѣ! Кажется, еще весьма долго не узнаютъ эти бѣдные слѣпцы своего Создателя!

«Да вѣдь, если сказать правду — подхватилъ дьячекъ, — такъ и мы еще не совсѣмъ знаемъ: откуда и какъ все это произошло.»

— Тутъ и знать нечего — возразилъ протопопъ; — это свыше нашего понятія! Доволь-

(*) Мухоморъ—грибъ, употребляемый вмѣсто вина, сухой и настоящий на водѣ.

но для насъ, что сказано: *Рече — и быша; повелъ — и создашася.*

«Такъ, отецъ святой! Конечно, Писаніе говорить; но если пораздумать порядкомъ... Ахъ, я этою матеріею занимался весьма много!.. Свѣтъхъ-поръ, какъ я вступилъ въ классъ философіи, это была моя любимая мысль. Я изучалъ древнихъ со всѣмъ прилежаніемъ, и, не хвастаячи сказать, свѣтъ ихъ не втунѣ сіялъ для моего умственного ока....»

— Жаль, братъ — прервалъ протопопъ, стараясь скрыть свое неудовольствіе подъ видомъ шутки — что ты смотрѣлъ однимъ окомъ; лучше было бы, когда бы ты могъ глядѣть, какъ говорится, во всѣ глаза....

«Смѣйтесь, святой отецъ — продолжалъ дьячекъ; — но я вамъ доложу чистосердечно, что, открывая какую-нибудь важную истину, я, бывало, прихожу въ восторгъ, и скачу по бурѣ, словно, помѣшанный...»

— Я и не сомнѣваюсь въ этомъ — говорилъ протопопъ, въ томъ же тонѣ.

«Всѣ важнѣйшія мнѣнія и толки — продолжалъ дьячекъ — были мною выучены, соображены и взвѣшены на вѣсахъ разума. О! какая истина заключается въ ученіи философовъ! На-

прямѣрь: по сказанію знаменитаго Трога Помпея, нѣкоторые изъ восточныхъ мудрецовъ приписывали происхожденіе міра огню, а другіе—водѣ; Анаксименъ же утверждалъ, что все произошло изъ воздуха; напротивъ, Демокритъ доказывалъ, что вселенная составилась изъ атомовъ, т. е. маленькихъ кусочковъ, сбѣпившихся между собою посредствомъ крючковъ; а Гераклитъ училъ, что земля есть густой огонь, а вода есть земля, растопленная въ огнѣ; наконецъ....»

— Ужели есть конецъ этому вздору? — невольно воскликнулъ протопопъ.

«Вы властны называть это, какъ хотите; но я увѣряю васъ, что среди всѣхъ этихъ, повидимому, разнообразныхъ мнѣній, я нашелъ одно неложное, и готовъ утверждать его предъ лицомъ всей вселенной....»

— Господи помилуй! Что это за пустой человекъ! — тихо говорилъ протопопъ, вздыхая.

«Готовъ утверждать его! — повторялъ дьячекъ съ величайшимъ жаромъ, дѣлая самыя глупыя жесты. — Оно состоитъ въ слѣдующемъ: поелику каждое дѣйствіе или произведеніе должно имѣть свою довольную причину, *principium rationis sufficientis*, а міръ есть произведеніе: *ergo....*»

Но онъ не успѣлъ окончить своего силлогизма. Во время его разглагольствованія караванъ начиналъ спускаться съ горы. Протопопъ и прочіе спутники его, исключая философа, притянули ближе къ шежхедамъ передовыхъ собакъ, дабы они задерживали нарту; философъ же, со всею пламенностію ученаго мужа вознесясь духомъ горѣ, не чувствовалъ, что тѣло его спускается подъ гору, и не принялъ предосторожности. Между тѣмъ дѣвушка, ѣхавшая впереди каравана, желая подшутить надъ ораторомъ, бросила кусокъ *юколы* (*). Нарта мудреца кинулась опретью за кускомъ, такъ что онъ не успѣлъ воткнуть *оштола* (**), и при первомъ спльномъ толчкѣ быстро вылетѣлъ изъ саней, которыя, опрокинувшись, покрыли его и тащили съ собою. Напрасно кричалъ онъ охриплымъ голосомъ: Ээ! Ээ! (***) собаки не останавливались, и продолжали бѣжать. Наконецъ го-

(*) Юкола—сушеная рыба.

(**) *Оттолъ*—заостренная палка, которую втыкаютъ въ снѣгъ, когда хотятъ остановить собакъ.

(***) Крикъ, останавливающій собакъ.

лось его умолкалъ, и послѣднія слова его, слышныя издали, были: *Valete omnes!* (Прощайте всѣ!)

~~.....~~

II.

ИСТИННЫЙ ПАСТЫРЬ.

Подобно многимъ великимъ поборникамъ истины, отъ Эмпедокла до изобрѣтателя пршенныхъ крыльевъ (*), описанный въ предъидущей главѣ знаменитый мужъ также пострадалъ бы, вѣроятно, за пламенную любовь свою къ ней, если бы, по счастію его, дѣвушка, увидѣвъ неприятныя послѣдствія своей шутки, не успѣла броситься къ нему на встрѣчу и удержать со-

(*) Крестьянинъ, изобрѣтшій крылья для летанія по воздуху, въ началѣ царствованія Петра Великаго, и наказанный за неудачу.

бакъ въ то самое мгновеніе, когда онъ былъ уже за нѣсколько шаговъ отъ пропасти; ибо гора, подходя одною стороною къ морю, окончивалась утесомъ, котораго огромныя гранитныя глыбы, оторванныя, вѣроятно, землетрясеніемъ, лежали грядами на узкомъ берегу, служа убѣжищемъ для стаи сивучей, отдохавшихъ на нихъ стадами. Вскорѣ подъѣхали туда и остальные путешественники. Камчадалы подняли санки, вытащили оттуда обезпамятѣвшаго отъ страха дьячка, и принялись его обметать.

«Ну, братъ Степанычъ! — сказалъ подошедшій къ нему протопопъ — быть бы тебѣ сегодня во чревѣ сивуча.... (Экая бездна ихъ подъ горою!).... Хорошо, что подоспѣла Маша!»

Дьячекъ, собираясь съ духомъ, не могъ говорить ни слова. Губы его дрожали, и на лицѣ были еще яркія черты малодушнаго испуга, которому обыкновенно предаются люди, ставящіе себя въ спокойномъ положеніи несравненно выше прочихъ смертныхъ.

«Вотъ то-то же, Степанычъ! — продолжалъ протопопъ, смотря на него съ видомъ невольнаго презрѣнія и жалости. — Теперь ты дрожишь, какъ листъ, а давеча такъ выше облаковъ занесся! Видишь ли, какъ Богъ-то скоро

наказываетъ вашего брата-вольнодумца? Ты не успѣлъ еще разболтаться, а ужъ щелчокъ тебѣ и готовъ!... Ступайте всѣ впередъ, а мы со Степанычемъ спустимся пѣшкомъ.»

Въ сіе время дѣвушка, не дожидаясь приказа, была уже на своемъ шежхедѣ, и продолжала спускаться, а вслѣдъ за нею потянулись и Камчадалы, закричавъ собакамъ: ха, ха! (*), кахъ, кахъ! (**).

«Не понимаю — говорилъ протопопъ, продолжая свое наставленіе — какъ можно быть такъ слѣпу! Шутка ли, сколько тебѣ ужъ досталось за твое глупое высокоуміе! Долженъ былъ ты пріѣхать назадъ сюда, этакую даль! Ну, если бы живъ былъ твой покойный родитель, отецъ Степанъ, что бы было? Вѣдь сказать страшно! Ты бы уморилъ его этимъ! Пять лѣтъ цѣлыхъ потерялъ ты втунѣ: давнымъ-бы давно тебѣ слѣдовало быть священникомъ! Да и теперь, хоть и кончится срокъ твоего искуса, что я напишу о тебѣ преосвященному? Срамъ да и только! Я думалъ: слава Богу, онъ исправился; а ты!.... экое чудо, Господи!....

(*) Крикъ понудительной.

(**) Крикъ при поворотѣ *направо*.

Нѣтъ, братъ, не таковъ былъ твой отецъ! Я съ нимъ двадцать лѣтъ прожилъ въ *Паратун-кль* (*); человекъ былъ честный, благомыслящій, подлинно: христіанская душа! И кабы я не далъ ему слова: пещись о тебѣ, давно бы я, братъ, пустилъ тебя на волю Божью; коли самъ о себѣ не радѣешь, такъ не на кого пѣнять! Правильно сказано: *языкъ нашъ — врагъ нашъ*. И Писаніе говоритъ: *«скверныхъ же тщеславій отъменяйся: наипаче бо преспльютъ въ нечестіе...»*

Въ продолженіе сего монолога Камчадалы, съѣхавъ съ горы, закричали всѣ въ голосъ: *Духстехтичъ! Духстехтичъ!* и пустили собакъ, обгоняя другъ друга, къ складенному изъ камней столбу. Подъѣхавъ къ оному, каждый изъ Камчадаловъ бросилъ къ подножію его по горсткѣ *порсы* (**), и съ крикомъ: *хугъ, хугъ* (***)! пустился обратно.

«Вонъ, посмотри — говорилъ протопопъ, указывая на жертвоприносителей, — что дѣла-

(*) Острожекъ, недалеко отъ Петропавловска. Тамъ прежде была церковь.

(**) Сушеная, толченая рыба.

(***) Налѣво.

ютъ Камчадалы! Они приносятъ жертву богу, не Кутхѣ, но богу невѣдомому, по ихъ: *Духстехтичу*. Скажи же ты мнѣ: чѣмъ твои Греки и Римляне, которыми ты бредишь, чѣмъ эти всемірные учителя были умѣе глупыхъ Камчадаловъ? Не то же ли самое толкуютъ и Камчадалы, что проповѣдывали толь прославляемые Аѳиняне? Тотъ же Юпитеръ, тотъ же Нептунъ, тотъ же Плутонъ, тотъ же Невѣдомый Богъ...»

— Но вѣдь я, святой отецъ — сказалъ почтительно дьячекъ, начинавшій оправляться — говорилъ только о мнѣннн философъ....

«Глупый ты, глупый! Да что значать эти философы? Слѣпцы, которые другъ друга толкаютъ съ дороги; вруны, которые стараются объяснить то, чего сами не понимаютъ! Если, напримѣръ, разсмотрѣть хорошенько хотя то, что ты рассказывалъ, такъ что выйдетъ? Чепуха! Одинъ утверждаетъ, что все вышло изъ воды, другой изъ огня. Кому прикажешь вѣрить? И чѣмъ это достовѣрнѣе того, что земля сташена съ неба Кутхою? Такъ-то, братъ, заблуждается человѣкъ, когда, забывъ Бога, поидеть своею дорогою! Въ Писаніи сказано коротко, но такъ сказано, что никто въ свѣтѣ уже

не скажетъ лучше: *«Вся тьмъ быша, и безъ него ничто же бысть, еже бысть.»*

При семъ текстѣ, отъ глубокой полноты чувствъ, слезы показались на глазахъ старца. Помолчавъ нѣсколько, онъ продолжалъ:

«Оставь, братъ Степанычъ, пожалуйста оставь свое дурачество: въ мудрованіи толку нѣтъ! Разумъ кичитъ и увлекаетъ насъ въ погибель. Безъ вѣры человѣкъ бродитъ во тмѣ, кто бы онъ ни былъ: греческій ли мудрецъ, или камчатской шаманъ. Одинъ только есть свѣтъ— свѣтъ вѣры, *иже во тмѣ свѣтитъ и тма его не объятъ.*

Много подобнаго говорилъ протопопъ въ наставленіе своего невѣрующаго. Рѣчь его была исполнена силы и помазанія, которое есть плодъ недолговременнаго ученія, но единственно христіанской любви и живой увѣренности въ истинахъ религіи. Священникъ сей былъ тотъ знаменитый Верещагинъ, который умѣлъ стяжать уваженіе у самыхъ Англичанъ, извѣстныхъ своею скупостію на похвалы для иностранцевъ, и о которомъ съ величайшимъ уваженіемъ отзывается спутникъ славнаго Кука, капитанъ *Кингъ*, начальствовавшій надъ кораблями: *Резолюція* и *ДисCOVERи*, по смерти капитана Клер-

ка. Не столько образованный, сколько одаренный здравымъ умомъ, притомъ одушевленный всегда одинаковымъ, самымъ пламеннымъ усердіемъ къ своему дѣлу, онъ, въ теченіе многолѣтняго пребыванія своего въ Камчаткѣ, первый насадилъ тамъ сѣмена христіанства, и, приобрѣтя всеобщую любовь Камчадалъ, оставилъ по себѣ память ревностнѣйшаго пастыря и добродѣтельнѣйшаго чловѣка. Имѣя постоянное пребываніе сперва въ Паратункѣ, а потомъ въ Петропавловскѣ, онъ почти ежегодно объѣзжалъ всю свою обширную паству, и нерѣдко проводилъ цѣлые мѣсяцы, странствуя съ величайшимъ самоотверженіемъ по пустыннымъ курильскимъ островамъ и переплывая море на утлыхъ *бай-дарахъ* (*). Таковы были въ первыя времена и таковы бы должны быть всегда проповѣдники Иисуса!

Сопутникъ Верещагина, дьячекъ, по прозванію: *Шайдуровъ*, былъ, какъ и выше можно видѣть изъ словъ протопопа, сынъ паратунскаго священника, учился въ Иркутской семинаріи, и высланъ оттуда обратно за глупое вольномысліе, съ тѣмъ, чтобы прожить нѣсколько лѣтъ

(*) Байрада — лодка.

въ Камчаткѣ, подъ надзоромъ протопопа, въ чаяніи исправленія. Впрочемъ, надобно сказать правду, *Шайдуровъ* на самомъ дѣлѣ не былъ настоящимъ, обдуманнѣмъ вольнодумцемъ: пбо не имѣлъ никакого постояннаго мнѣнія. Начитавшійся разныхъ философскихъ толковъ, онъ самъ сбился совершенно съ толку, и не могъ ни на чемъ остановиться: понятія въ головѣ его — какъ и обыкновенно случается съ вольнодумцами — перепутались, и въ этой сумятицѣ, вовсе погасившей свѣтъ ума, даннаго ему отъ природы, онъ сталъ, въ полномъ смыслѣ сего слова, *ученый дуракъ*. Чрезвычайное высокомеріе, слѣдствіе высокаго о себѣ мнѣнія, и удивительное легкомысліе, признакъ глупости и источникъ нерѣшительности и переменчивости чувствъ, были его отличительными чертами: это были, можно сказать, два полюса, около которыхъ обращались всѣ его дѣйствія, и которые то отвергали, то притягивали къ себѣ и самыя истины религіи; такъ что *Шайдуровъ* былъ по временамъ и христіанинъ, и безбожникъ, и человѣкъ честный, и рѣшительный бездѣльникъ. И потому-то, когда протопопъ окончилъ выше сказанное наставленіе, *Шайдуровъ*, на сей разъ

*

смиранный страхомъ смерти, почти согласился съ нимъ, и отвѣчалъ со всею искренностію:

«Ахъ, отецъ Петръ! я самъ чувствую, koliko я согрѣшаю; но что мнѣ дѣлать? Я самъ не воленъ въ себѣ; я самъ смотрю на себя, какъ на лице постороннее; дивлюсь поступкамъ своимъ, и не имѣю силъ управлять ими!»

— Такъ; всякой человѣкъ то же сказать можетъ — говорилъ протопопъ; — всякой чувствуетъ внутреннюю борьбу добра со зломъ; но въ томъ-то и дѣло, братъ, что надо преодолѣть себя.

«Стану, стану стараться, святыи отецъ, и даю вамъ честное слово исправиться.»

— Ахъ, Степанычъ! кабы ты въ самомъ дѣлѣ взялся за умъ; весьма бы, братъ, ты порадовалъ меня!

«Одно останавливаетъ меня, отецъ Петръ!» — сказалъ дячекъ съ нѣкоторою запинкою.

— Что такое?

«Не вижу ни какой цѣли, для чего бы мнѣ хлопотать о себѣ. Что я? Не то же ли, что и этотъ столбъ? (Дячекъ указалъ на жертвенникъ). Онъ и я. стоимъ одни-однихоньки посреди пустыни! Некому раздѣлить со мною ни радости, ни печали! На другихъ посмотришь... Deus im-

mortalis! Всѣ цвѣтутъ, аки крикъ сельный; а я?»

— Да кто же тебѣ, братъ, мѣшаетъ не быть одинокимъ? Вѣдь отецъ Григорій Большерѣцкой совсѣмъ былъ готовъ отдать за тебя свою дочь, да самъ же ты спятился, только сраму надѣлалъ! А отца Прокопья Нижне-Камчатскаго кто одурачилъ? Чай, извѣстно тебѣ!

«Ахъ, отче! если бы вы знали мои чувства, такъ не судили бы меня столь строго. Съ того самого дня, какъ я началъ учить Марью Алексѣевну...»

— Я ужъ тебѣ нѣсколько разъ говорилъ: не помняй мнѣ объ этомъ! Я тебѣ правду скажу: покаместъ не увижу, что ты во всемъ исправился, до-тѣхъ-поръ лучше отдамъ внучку за послѣдняго Камчадала, нежели за тебя. Да и можно ли вѣрить твоимъ чувствамъ послѣ того, какъ ты оклеймилъ всѣ приходы? Нѣтъ, братъ, не затѣвай этого! Развѣ хочешь и меня такъ же осрамить, какъ ихъ?

«Возможно ли это, отче? — возразилъ дьячекъ съ величайшимъ жаромъ. — Вотъ уже седьмой мѣсяцъ, какъ чувства мои остаются одинаково пламенны и постоянны. Притомъ любовь моя не есть обыкновенная, общая, атог consue-

tus; нѣтъ! она подобна чистѣйшему огню, похищенному Прометею; она есть та невпная, ангельская страсть, какую проповѣдывалъ безсмертный Платонъ, и образъ Марьи Алексѣевны посится предо мною непрестанно во снѣ и въ явѣ, какъ непостижимый духъ Сократа; сей духъ, о которомъ до сего времени не рѣшила философія, и который, если сообразить точнѣйшимъ образомъ....»

— Опять запереть дичь! — говорю про себя протопопъ. — Нѣтъ; его не исправить! Справедливо сказано: горбатаго можетъ исправить только одна могла!...

Между-тѣмъ, пока вошедшій, какъ говорится, въ пассію Шайдуровъ высказываетъ свою платоническую любовь, мы посигшимъ объяснить: кто такова была Марья Алексѣевна, имѣвшая счастье понравиться сему высреннему мудрецу. Это была та самая дѣвушка, которая, какъ вѣроятно читатель уже догадался, спутствовала протопопу. Она была его внучка, дочь одного чиновника, оставшаяся отъ отца и матери сиротою, и воспитывавшаяся въ домѣ начальника Камчатки, подъ смотрѣніемъ его супруги, женщины весьма умной и образованной. Маша, какъ обыкновенно называлъ ее дѣдъ, бы-

ла дѣвушка также одаренная отъ природы отличными способностями души и прекрасными склонностями сердца. Возростая въ нѣдрахъ природы, вдали отъ такъ называемаго свѣта, и потому незнавшая его пороковъ, но познававшаяся съ одними добродѣтелями въ бесѣдахъ со своею покровительницею, Марія была невинна и простодушна, какъ младенецъ, и соединяла въ себѣ просвѣщенныя понятія Европейки съ полудикими искусствами Камчадаловъ: она ѣздила ловко на собакахъ, мастерски плавала въ байдарахъ и проч. Самая фзіономія ея была смѣсь русскаго съ камчадалскимъ; ибо, по отцовской линіи, она происходила отъ Камчадаловъ, а по материнской—отъ русскыхъ. Дѣдъ ея, протополь, кромѣ дочери, покойной матери сей дѣвушки, не имѣлъ ни кого дѣтей, и потому внучка составляла все его утѣшеніе и отраду въ старости; внучка, со своей стороны, также любила его со всею горячностію дѣтскаго сердца. Сія горячая любовь и заставила ее слѣдовать за дѣдушкою въ семь путешествій; ибо она никакъ не могла положиться ни на чей присмотръ, и ни за что не согласилась отпустить его одного, не смотря на убѣжденія ни самого дѣда, ни своей покровительницы, жены началь-

ника, отъ которой она не задолго передъ поѣздкою перешла въ домъ протопопа. Начальница, любя ея искренно и горячо, какъ родную дочь, не перестала объ ней заботиться и по переходѣ ея и къ дѣдушкѣ, и уговорила сего послѣдняго пригласить дьячка дать ей нѣскольکو уроковъ въ Исторіи. Начало лекцій было мѣсяцевъ за пять до путешествія, въ которомъ, до пріѣзда на Лопатку, прошло не менѣе двухъ; ибо протопопъ, чувствуя уже приближеніе дряхлой старости, рѣшился въ послѣдній разъ посѣтить всю свою паству, и былъ на *Парамуширѣ* и другихъ алеутскихъ островахъ. Симвъ объясняется начало дьячковой рѣчи, въ которой онъ доказывалъ, по всѣмъ правиламъ Логикѣ и Риторикѣ, что онъ уже седьмой мѣсяць любитъ Марію самую платоническою любовію, какъ Петрарко; и что по всѣмъ возможнымъ родамъ силлогизмовъ, рогатыхъ и комолыхъ, непременно слѣдуетъ выдать ея за него.

«Да ужъ что ты не ври, Степанычъ! — отвѣчалъ протопопъ, садясь въ шежхедъ — а я слова своего измѣнить не могу: ты исправься, а я подумаю.»

— Исправься! — думалъ дьячекъ — т. е. сиди у моря, да жди погоды! Нѣтъ; мое прави-

ло не таково: *res dum calet urgenda est* (куй же-
лѣзо пока горячо). Мы знаемъ, какъ это ула-
дить: дай только добраться до Петропавловска,
а тогда *veni, vidi, vici* (пришелъ, увидѣлъ, по-
бѣдилъ)! Стрась моя — дѣйствовать рѣши-
тельно!

Размышленія дьячка продолжались бы, вѣ-
роятно, до самаго почлега: ибо протопопъ, не-
любившій терять словъ безъ надобности, ѣхалъ
молча; внучка его чувствовала отъ философа на-
шего почти отвращеніе, и всегда старалась из-
бѣгать его бесѣды; а что касается до Камча-
даловъ, то самъ мудрецъ рѣдко спускался до
того, чтобы осчастливливать ихъ своимъ поуче-
ніемъ, исключая самой великой крайности, т. е.
когда ему рѣшительно некому было, кромѣ ихъ,
возвѣщать своихъ возвышенныхъ идей. Такимъ
образомъ сей *мыслитель первой величины* по-
грузился, такъ сказать, до ушей во глубину са-
мого себя, какъ вдругъ былъ выведенъ изъ за-
думчивости однимъ, повидимому маловажнымъ,
пронсшествіемъ, но имѣвшимъ великое вліяніе
на его судьбу, какъ увидимъ въ слѣдующей
главѣ.

III.

Б У Р Я.

«Эй, *аангичь!* (*) — вскричалъ товарищъ
Камака, Лемшинга — смотри не озноби рукъ!»

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ, батюшки! — воскликнулъ испугавшійся дьячекъ, взглянувъ на руки — куда это я дѣвалъ свои рукавицы?

«Эхъ, Степанычъ, Степацычъ! — говорилъ протопопъ, покачивая головою — ужъ не лзя

(*) *Аангичь* — дьячекъ, называемый сямъ именемъ по находимому Камчадалами сходству съ уткою *аангемь*, которая поетъ поутру и повечеру.

лучше, какъ къ тебѣ, приложить этой поговорки: подѣ лѣсомъ видишь, а подѣ носомъ не видишь! Гораздо бы лучше было, кабы ты около себя-то побольше наблюдалъ, а не за облака лѣзь! Вѣдь, знать, ты обронилъ рукавицы давеча, какъ упалъ. Какъ же ты поѣдешь теперь? Недолго и безъ рукъ приѣхать! Эхъ, братъ, братъ!»

— Что же мнѣ дѣлать теперь, отецъ Петръ?... Ахъ, руки такъ и пощипываетъ.

«Да что дѣлать? Надо вернуться, да поискать на томъ мѣстѣ, гдѣ ты тащился подѣ шеж-кедомъ.

— Такъ вотъ я сейчасъ...

«Куда тебѣ найти! Ты и куклянку-ту тамъ потеряешь! Вишь ты — Господь съ тобой! — какой рохля!... Эй, Лемшинга! ступай, братъ, поскорѣе, а мы пообождемъ здѣсь!»

— Съѣздить-то я съѣзжу — отвѣчалъ Лемшинга; — только вотъ что...

«Что такое?»

— Не было бы худа! Смотри-ка, бачка, какъ разыгрался *манаты*! (*) Экіе дьяволы!

(*) Манаты — родъ тюленей, но огромной величины: бывають иногда длины до 4 саж., а часть 1.

Такъ другъ черезъ друга и перенрыгиваютъ!...
Не ударила бы буря!

«Ну, перестань пустяки собирать; не трать понапрасну времени; поѣзжай. Если и въ самомъ дѣлѣ будетъ буря, то, можетъ быть, успѣемъ еще прежде нея добраться къ мѣсту, а если и не успѣемъ, такъ остановимся вонъ у этого пригорка. Богъ милостивъ!»

— Не спорю, бачка! Поѣду; дай только поправить *побѣжники* (*).... Ну, други! Ха, ха!

Собаки помчались по снѣгу, и Камчадалъ, постукивая ошоломъ по полозьямъ, то съ правой, то съ лѣвой стороны, смотря потому, въ которую сторону нужно было направить собакъ, изрѣдка прибавлялъ къ тому и словесное приказаніе: «какъ, какъ! хугъ, хугъ!»

Прошло съ часъ времени. Погода въ самомъ дѣлѣ начала измѣняться. Облака побѣжали весьма быстро съ юга на сѣверъ, выдвигаясь одно изъ-за другаго, и распушиваясь хлопьями. Море опустѣло: уже развившіяся на немъ чуды

въсомъ до 200 пудъ. Всѣ вообще морскіе звѣри игрою своею предвѣщаютъ бурю.

(*) Ремень, къ которому привязываются собаки, вмѣсто дышла.

скрылся во глубинахъ его; самыя птицы, борясь съ вѣтромъ, бушевавшимъ уже въ верхнихъ слояхъ атмосферы, спѣшили стадами подъ защиту утесовъ; и только сѣдые валы, грозные сыны страха и разрушенія, воздымаемые отдаленною бурею, съ безумною яростию устремились на вѣчный свой бой съ прибрежными скалами. Наконецъ снѣгъ, полетѣвшій съ вершинъ ближнихъ горъ, возвѣстилъ пршествіе урагана, понесшагося съ страшнымъ свистомъ и воемъ, мѣшавшимися съ шумомъ волнъ. Во мгновеніе ока все слилось вмѣстѣ: и небо, и земля, и море. Снѣжные вихри крутились по равнинѣ, и готовы были увлечь съ собою несчастныхъ странниковъ, или погребсти ихъ подъ сугробами снѣга.

«Вотъ, бачка! — сказалъ Камакъ протопопу — Лемшинга правду говорилъ: не ударила бы буря! Такъ и есть!»

— Теперь ужь дѣлать нечего! — отвѣчалъ протопопъ. — Не отставайте другъ отъ друга! Экая пурга, Господи Боже мой! Всѣ глаза заслѣпла! Зги не видно!... Машенька! ты рядомъ поѣзжай со мною!... Вѣдь, кажется, Камакъ, въ этой сторонѣ пригорокъ, у котораго мы хотѣли остановиться?

«Да, бачка!»

Чтобы не сбиться съ дороги и не заѣхать въ какой-нибудь оврагъ или пропасть, путешественники остановились подъ защитою пригорка. Они поставили нарты, одну подлѣ другой, и потомъ, вынувъ руки изъ рукавовъ, и просто завернувшись въ шубы, чтобы было прѣсториѣе, всѣ легли въ снѣгъ, другъ подлѣ друга: ибо хотя и дѣлають иногда путешественники, въ случаѣ бури, шалаши, но здѣсь этого сдѣлать было нельзя, по недостатку лѣса. Едва успѣли они расположиться на сей, подлинно зимней квартирѣ, какъ совершенно занесло ихъ снѣгомъ, и поверхъ онаго не было ни малѣйшей примѣты ни собакъ, ни людей. Между-тѣмъ наступила ночь. Картина ея трудно вообразить, не только описать живо и подробно. Всѣ ужасы негостепріимной страны сей были собраны для устрашенія нашихъ путешественниковъ. При мутной, но непроницаемой темнотѣ ночи, при дикомъ воѣ вѣтра, разсыпавшаго облака снѣга, при кипѣніи и ревѣ океана, потрясавшаго основаніе скалъ, среди обширной и дикой пустыни, они были за-живо погребены въ снѣжныхъ моглахъ, гдѣ могли остаться и навсегда: ибо нерѣдко проѣз-

жіе, обмокнувъ въ нпхъ, замерзають. Представивъ все сіе, какой житель благословенныхъ странъ не содрогнется отъ ужаса? Но такова чудесная природа человѣческая! Привыкшіе къ явленіямъ подобнымъ, наши путешественники вовсе не находили положеніе свое ни слпшкомъ неудобнымъ, ни опаснымъ. Имѣя маленькое въ снѣгу отверстіе, протаявшее отъ теплоты дыханія, они лежали весьма спокойно, и только по временамъ поворачивались съ боку на бокъ, но съ величайшею осторожностію, чтобы не рассыпать снѣжнаго свода, надъ ними образовавшагося.

«Встань-ка, Камакъ!» — сказалъ наконецъ протопопъ, толкая лежавшаго подлѣ него Камчадала, который спалъ сномъ самымъ крѣпкимъ и сладкимъ: ибо и вообще Камчадалы спятъ въ снѣгу весьма спокойно.

— Аа! Что? — отвѣчалъ Камчадалъ, просыпаясь и позѣвая.

«Встань, да посмотри: кажется, буря утихла; не ѣдетъ ли Лемшинга; да покорми собакъ!»

— Да, бачка! — говорилъ поднявшійся изъ-подъ снѣга Камакъ — вѣтеръ затихъ, и мѣстами проглядываютъ звѣзды: вонъ *кранхль*, вонъ

*

изжичь! (*)... А вотъ выглянулъ и мѣсяць!... А это что? Онъ, точно онъ! Ахъ, бачка, какое счастье! Я слѣдъ *Пилучея* увидѣлъ. Вишь, такъ весь снѣгъ и пестрѣлъ полозьями!

«Что это онъ такое видитъ?» спросила протопопа его внука, также вставая изъ-подъ сугроба.

— Да это тѣ струйки, — отвѣчалъ ся дѣдъ — которыя остаются на снѣгу послѣ вихрей. Камчадалы думаютъ, что это слѣды шежхедовъ, въ которыхъ Богъ грома, вѣтровъ и проч., Пилучей, разбѣзжаетъ на куропаткахъ. Увидѣть эти слѣды почитается у нихъ за знакъ величайшаго счастья.

Говоря сіе, протопопъ, въ сопровожденіи внука, взошелъ на холмъ, который вѣтромъ почти совершенно былъ обнаженъ отъ снѣга. Видъ, представившійся его глазамъ, былъ пустынный и дикой, но великолѣпный. Полная, блѣдная луна, пробѣгавшая по облакамъ, то выказывалась изъ-за нихъ, то опять скрывалась, бросая по мѣстамъ тѣни на бѣлѣвшія степь и горы и на синее море. Въ промежутки просвѣта, серебряный лучъ ея какъ бы спадалъ съ неба, по-

(*) Медвѣдица и плеяды.

добно безконечному столбу, и мгновенно распростирался по безпредѣльной зыби волнъ, рассыпаясь въ то же время блестящими перлами въ огромныхъ фонтанахъ, выбрасываемъ въ отдаленности китами. Воздухъ былъ холодный, но самый чистый и ясный, такъ что казалось, какъ бы все неизмѣримое пространство, окрѣдываемое взоромъ, было совершенно пусто. Предметы удивительно дѣлились и приближались. Долго смотрѣлъ старикъ на небо, на землю и на море. Вдругъ океанъ покрылся свѣтящеюся матеріею, и хладный огонь, поднимаясь и низвергаясь съ валами, уподоблялъ море великой горячей степи, взволновавшейся отъ ударовъ землетрясенія.

«Ахъ, какой чудный и прекрасный видъ! — сказала дѣвушка. — Я никогда подобнаго не видала.»

— Да, душа моя! чудны дѣла Божія! — отвѣчалъ дѣдъ ея, возведя глаза съ умчленіемъ на небо. — Небеса повѣдаютъ славу Его, твореніе же руку Его возвѣщаетъ твердь!

«А отъ-чего же, дѣдушка, этотъ свѣтъ?»

— Богъ вѣсть, моя милая! Спрашивалъ я у одного Англичанина (ты еще была маленькая, какъ они пріѣзжали въ Петропавловскъ): такъ онъ мнѣ рассказывалъ, что будто это все свѣт-

лые червячки, а другой изъ ихъ же говорилъ: будто это та же сила, что производитъ молнію...

«Но посмотрите, дѣдушка! Что это такое? Вонъ тамъ, видите? По правую-то сторону китовъ.... Вонъ далеко, какъ будто огонёкъ загорѣлся... Кажется, это ужъ не отъ моря?»

— Да! Это въ самомъ дѣлѣ, что-то странно!

«И, кажется, палятъ; дѣдушка?»

Выстрѣлы время отъ времени становились чаще и явственнѣе.

— Да! — отвѣчалъ старикъ. — Это точно пальба! Боже мой! Вѣрно какой-нибудь корабль погибаетъ!

«Посмотрите, дѣдушка, какъ увеличивается огонёкъ!... О Господи! Ужъ не пожаръ ли на кораблѣ?»

— Да! Да! Это, вѣрно, пожаръ! Слушай, какъ зачастили выстрѣлы!... Эй, Камакъ! кажется, гдѣ-то въ этихъ мѣстахъ жилъ Курилецъ Арукчи, который бѣжалъ съ Японцами?

«Да, бачка! Вонъ недалеко отсюда, на рѣчкѣ *Аанганъ*.»

— Такъ пощите-ка тамъ, не найдется ли какой байдары; да проворнѣе!... Ахъ, Боже мой, какъ огонь увеличился!... Смотри-ка, Машенька (у тебя глаза-та получше моихъ): ка-

жется, огонь бѣгаетъ по снастямъ и загораются паруса?

«Да, дѣдушка, весь корабль обнимается огнемъ. О Господи! Что будетъ съ бѣдными пассажирами! Такъ бы и бросилась къ нимъ на помощь!»

— Что дѣлать? — воскликнулъ дьячекъ, пожимаемая плечами. — Ignis absumit omnia (огонь все истребляетъ)!

«Ахъ, любезный дѣдушка! — сказала дѣвушка, горя нетерпѣніемъ и не обращая вниманія на глупое восклицаніе дьячка — Камчадаловы мы не дождемся: они не любятъ торопиться, когда дѣло идетъ о спасеніи другихъ; позвольте мнѣ: я поскорѣ побѣгу сама.»

— И я съ вами! — провозгласилъ дьячекъ, желавшій выказать при семъ случаѣ свою приверженность и проворство.

«Побудь лучше со мной — сказалъ протопопъ; — ты только ихъ задержишь. И то вотъ заставилъ насъ ночевать на дорогѣ со своими рукавицами: вѣдь мы, вѣрно, успѣли бы доѣхать той порой до *Конпакова* становища. Впрочемъ все къ лучшему: можетъ быть, Господь поможетъ намъ кого-нибудь спасти теперь, а

кабы уѣхали отсюда, такъ и не увидѣли бы этого несчастія.»

Дьячекъ не сказалъ ни слова, но лице его подернулось заревомъ, подобнымъ тому, какимъ были покрыты облака, носившіяся надъ пожаромъ. Корабль ближе и ближе несло теченіемъ прилива къ берегу. Уже были слышны вопли, раздиравшіе сердце, то погбавшихъ въ пламени, то бросавшихся въ море несчастныхъ пассажировъ. Положеніе ихъ было неизъяснимо ужасно: двѣ стихіи, равно губельныя, наперывъ пожирали ихъ со всею лютостію. Помощи не было, и не лзя было ожидать ее: ибо предъ ними стояла земля столь же недружелюбная, какъ и море. Еще нѣсколько минутъ слышались на кораблѣ крики и смятеніе; еще отчаянные пассажиры нѣсколько времени мелькали позади пламени, стремившагося пзъ люковъ — и вдругъ раздался общій пронзительный вопль, невыразимый ни какими словами человѣческимъ. Потомъ все остановилось и смолкло. Еще мгновение — и пламя, совершенно одолѣвшее свою жертву, какъ бы въ бѣшенномъ торжествѣ, ринулось вверхъ страшнымъ вулканомъ, и въ стремленіи своемъ увлекло все, ему встрѣтившееся: обломки корабля и человѣческіе трупы

мелькали въ огненномъ столпѣ взрыва. Оглушающій грохотъ раздался по водной равнинѣ, и повторился въ прибрежныхъ утесахъ: это былъ ненавистный сигналъ смерти, послѣ котораго наступила убійственная тишина, и уже не было видно ни корабля, ни людей, и только черная туча дыма, медленно поднимавшаяся къ облакамъ, означала мѣсто пожара.

— Ахъ, Боже мой! — вскричала дѣвушка, возвратившаяся въ сіе время съ байдарою — вѣрно, всѣ погибли!

«Нѣтъ, мачка! — сказалъ одинъ изъ Камчадаловъ — кажись, что-то чернѣется въ валахъ.... Вонъ, вонъ.... какъ будто человѣкъ взмахиваетъ руками...»

— Нѣтъ, быть не можетъ!

«Право, мачка! Смотри-ка, смотри!... Опять унырнулъ!... Вишь, валы-то больно велики!... А вотъ и опять показался... Чу! кричатъ!...»

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ это человѣкъ! О Боже мой! Онъ погибнетъ!

«Чтожь вы стоите, ребята! — сказалъ протопъ. — Уже ли не подадите ему никакой помощи?»

— Нѣтъ, бачка! — отвѣчали Камчадалы всѣ въ одинъ голосъ — мы ни за что не пой-

демъ! Коли тонетъ, такъ пусть тонетъ, а мы на свою душу грѣха не примемъ: не потащимъ его изъ воды!

«О глупые и несмысленные? — воскликнулъ протопопъ — вы считаете то за грѣхъ, что есть величайшая добродѣтель! Но васъ не убѣдишь, а время дорого! Подайте весло: я поѣду самъ.»

— Пѣтъ, любезный дѣдушка! я не пушу васъ! — вскричала его внучка. — Позвольте лучше мнѣ ѣхать. Вы знаете: я не боюсь валовъ, и умѣю ѣздить по морю...

«Знаю, но теперь время прилива; смотри, какъ сулои увеличиваются съ минуты на минуту.»

— Но развѣ я буду спокойнѣе, если вы поѣдете?

«Обо мнѣ беспокоиться нечего: я ѣзжалъ по морю поболѣе твоего; къ тому же я старъ и отжилъ свой вѣкъ, а тебѣ еще жить надобно, Подай мнѣ весло!»

— Хорошо, сейчасъ, дѣдушка!

Между тѣмъ она мгновенно вскочила въ байдару, и отпехнулась отъ берега.

«Что ты это дѣлаешь? — вскричалъ прото-

ночь, внѣ себя отъ страха: — Возьмитесь! Ты погибнешь!»

— Благословите меня, дѣдушка, и молитесь за меня!

Старикъ не говорилъ ни слова, и вперивъ на свою внучку неподвижные взоры, трепеталъ при всякой волнѣ, стремившейся на нее, какъ бы каждая изъ нихъ заливала его сердце. Байдара, въ которой ѣхала дѣвушка, была не что иное, какъ маленькій челнокъ, по-камчадалски: *тахту*, выдолбленный изъ тополи, съ прибитыми по краямъ досками. Валы бросали его, какъ щепку, и онъ то скрывался въ пропастьяхъ, безпрестанно разверзавшихся подъ нимъ, то взлеталъ стрѣлою на стремнины возстававшихъ предъ нимъ хребтовъ. Малѣйшая неосторожность и ошибка плавательницы могли бы погубить ее; но она, сохраняя величайшее присутствіе духа, смѣло разсѣкала весломъ волны и мужественно стремилась къ своей цѣли. Наконецъ она была уже недалеко отъ погибающаго. Вниманіе старика увеличилось, ибо это была минута самая опасная: утопающій могъ, въ отчаяніи, схватиться неосторожно за край байдары и опрокинуть ее своею тяжестью. Между-тѣмъ героиня наша увидѣла, что на встрѣчу къ ней плыли два че-

ловѣка, изъ конхъ одинъ держался за доску, а другой, плыва безъ всякой помощи, почти выбивался уже изъ силъ, и поминутно погружался въ воду. «Ваше благородіе! — вскричалъ первый изъ нихъ — я давно говорю вамъ: держитесь за мою доску: вы потонете!» Офицеръ, по видимому долго нехотѣвшій воспользоваться симъ удивительнымъ самопожертвованіемъ, наконецъ, начиная въ самомъ дѣлѣ тонуть, въ безпамятствѣ ухватился за доску, а матросъ, за нее державшійся, въ то же время опустилъ ее, сказавши: «держитесь крѣпче, да если потону я, такъ не забудьте моей жены и дѣтей въ Петропавловскѣ.» Послѣ сего онъ усиленно началъ бороться съ волнами, но намокшее и платье его, и отъ сего сдѣлавшееся слишкомъ тяжелымъ, тянуло его книзу, или уже члены его окостенѣли отъ холода, только усилія его были напрасны: онъ скрылся въ волнахъ, прежде нежели избавительница могла подать ему помощь. Равнымъ образомъ и спасенный имъ офицеръ находился въ самомъ крайнемъ положеніи: волны непрестанно заливали его; и если бы прошло еще нѣсколько минутъ, въ теченіе которыхъ онъ остался бы въ семъ положеніи: то отважный подвигъ самоотверженія нашей *Камчадал-*

ки былъ бы напрасенъ. Но и спасеніе его требовало отъ избавительницы величайшаго проворства и ловкости: ибо съ одной стороны волны непрестанно относили челнокъ отъ утопающаго, а съ другой и приближеніе къ нему, какъ мы замѣтили уже, могло быть сопряжено съ рѣшительною погибелью обоихъ. Не смотря однако жъ на сіе, воспитанная на берегахъ моря, и съ дѣтства знакомая со всѣми его причудами, она безстрашно подѣхала къ погибавшему, подала ему весло, и вскричавъ: «лови за байдару и садись проворнѣе» — сама ловко откачнулась на противную сторону, дабы сохранить равновѣсіе. Въ это мгновеніе челнокъ ринулся по скату волны, и совершенно скрылся изъ глазъ наблюдавшаго за нимъ старика. «Боже Всемогущій! она погнбла!» — вскричалъ онъ, схлопнувъ руками.

— Нѣтъ, бачка! Вонъ выплываетъ! — возразилъ Камакъ. — Смотри-ка: сидятъ двое.

«Точно двое, бачка! — подхватилъ Лемшинга. — Экая проворная!»

— Только что за охота — говорилъ тихонько Камакъ своему товарищу — принимать ей на себя грѣхъ?

«Да развѣ ты не слыхалъ, что давеча говорилъ погъ? Вишь, по-изнему это хорошо!

— Хорошо топить себя, чтобы спасти другаго! Хо, хо, хо! Только глушь народъ эти Русскіе!

Между-тѣмъ дѣвушка достигла берега, и была уже въ объятіяхъ дѣда, плакавшаго отъ радости и умиленія.

IV.

КАМЧАДАЛЬСКАЯ СВАДЬБА.

Недалеко отъ устья рѣчки *Опалы*, служащей на сѣверо-западѣ границею *Лопатки*, стоялъ нѣкогда Камчатской острожекъ *Кууюхченъ*, заключавшій въ себѣ болѣе десяти юртъ.

Въ одинъ день, вскорѣ послѣ описаннаго нами въ предъидущей главѣ происшествія, жители сего острожка весело спѣшили толпами въ юрту своего тоіона, гдѣ приготавлился пиръ, по случаю свадьбы дочери его брата, *Тенявы*.

Юрта тоіона отличалась предъ прочими своею величною, но совершенно сходствовала съ другими своимъ устройствомъ. Она была ни что

иное, какъ выкопанная въ землѣ, аршина на два глубиною, четверугольная обширная яма, покрытая остроконечною земляною крышею, съ отверстіемъ вверху; *оночемъ*, служившимъ вмѣсто трубы, и окна и дверей. Подлѣ стѣнъ, увѣшанныхъ, въ замѣнъ шпалеръ, *чирелами*, т. е. сплетенными изъ травы рогожами, находились нары, служившія вмѣсто скамей и кроватей. Посреди юрты былъ построенъ очагъ, а въ одномъ углу оной была складена посуда, и надъ нею стоялъ на полкѣ деревянный столбикъ съ обдѣланною, на подобіе человѣческой головы, верхушкою: это былъ идолъ, *Ажушакъ*, отгонявшій, по мнѣнію Камчадаловъ, отъ юрты лѣсныхъ духовъ, и за сію услугу обмазанный вареною саранюю.

Въ юртѣ находились и Камчадалы и Русскіе. Первыхъ весьма легко было отличить по ихъ азіатской фізіономіи: по узкимъ глазамъ, сплюснутому носу и пребольшому рту. Общество Русскихъ составляли: пріѣхавшій сюда, съ недѣлю назадъ, протопопъ Верещагинъ, дьячекъ и еще два лица, намъ неизвѣстныя. Одинъ изъ нихъ былъ человѣкъ лѣтъ сорока, средняго роста, съ рябымъ лицомъ, съ плутовскою миною и съ прелукавыми небольшими глазами. Онъ не

быть купецъ, однако жъ, повидимому, пользовался правомъ торговли, что показывала стоявшая предъ нимъ фляга съ водкою, для продажи которой, какъ самъ онъ рассказывалъ сидѣвшему подлѣ него дьячку, онъ и прѣѣхалъ въ Куу-юхченъ, заслышавъ въ дорогѣ о предстоящей свадьбѣ.

Недалеко отъ него сидѣлъ женихъ, молодой парень, дюжій собою, но съ подбитыми глазами и растрепанными волосами. Онъ тяжело дышалъ и по кровавому поту, капавшему съ его лица, видно было, что онъ только не задолго предъ тѣмъ совершилъ какой-то тѣгостный подвигъ. Невѣста, взрослая и здоровая дѣвка, сидѣла въ другомъ углу юрты, опутанная меремжами и ремнями, и окруженная мегерами, также показывавшими признаки большой усталости, однако жъ сидѣвшими съ веселымъ лицомъ, и насмѣшливо поглядывавшими на жениха.

— Ну что жъ, братъ Гатальча! — сказалъ отецъ невѣсты, Тенява — принимайся: лови, да и дѣло и съ концемъ! Ужъ не докуда же тебѣ жить у меня и такъ ужъ скоро годъ исполнится, какъ ты пришелъ изъ *Компакова!*

«Дай отдохнуть, бачка! Вишь, какъ больно дерутся, старыя! Все лице исковеркали!»

— Ну, послѣ свадьбы заживетъ! Ступай, или не то, братъ, убирайся домой, коли не въ ночь пришло!

«Сейчасъ, батка, сейчасъ!»

Женихъ собрался, наконецъ, съ силами, и бросился опретью къ невѣстѣ, стараясь разорвать напутанныя на ней мережи; но старухи, ее окружавшія, всѣ съ величайшимъ крикомъ и бѣшенствомъ кинулись на него, и, оттаскивая отъ невѣсты, вцѣпились, кто во что успѣлъ, иная въ волосы, иная въ лице: это было сунее скопище демоновъ, вскинувшихся на злополучнаго грѣшника. Остервенѣніе, съ какимъ они терзали и увѣчили несчастнаго жениха, навело даже ужасъ на окружающихъ. Казалось, что они разорвутъ его на части, или, по крайней мѣрѣ, своротятъ на сторону его бѣдную башку. Долго продолжалась сія комическая война, но, наконецъ, женихъ успѣлъ разогнать утомившихся старухъ, и разорвать мережи. «Ай-да, Гатальча! Ай-да, молодець!» вскричали въ одинъ голосъ всѣ Камчадалы.

— Ну хорошо, хорошо! — говорилъ Тенява побѣдителю. — Поди же, другъ, готовь поскорѣе обѣдъ. Вѣдь, словно, на твое счастье

Митя (*) выбросилъ намъ кита; такъ давно хочется отвѣдать свѣжннки.

«Неужели молодой у Камчадаловъ долженъ всегда стряпать?» — спросилъ дьячекъ сидѣвшаго подле него продавца водки, по званію: Фельдшера, а по прозванію: Шангина.

— Да, всегда! — отвѣчалъ Фельдшеръ. — Впрочемъ, что же за диво, когда у Камчадаловъ и все мужики готовятъ ѣду!

«И, кажется, женихъ долженъ всегда работать у тестя?»

— Да, по нѣскольку лѣтъ иной работаетъ, да еще и ни съ чемъ уйдетъ!

«Отъ чего же?»

— Да отъ того! Кабы всякой женихъ-та былъ такой же молодецъ, хоть, примѣрно сказать, какъ вотъ этотъ, или какъ ты, Климъ Степанычъ!...

При семъ словѣ мина самодовольствія явилась на лицѣ дьячка, и онъ тщательно поправилъ воротникъ у долгополага своего сюртука, надѣтаго по случаю пира.

(*) Морской богъ, воображаемый въ видѣ огненной рыбы.

— Ну полно лстеть! — сказалъ онъ съ притворною скромностію.

«Что мнѣ лстеть!... — говорилъ съ усмѣшкою Фельдшеръ. — А то вѣдь иной рохля по жѣскольку разъ принимается иногда ловить, да напоследокъ, такъ, безъ всякаго успѣха, и домой уѣдетъ, только побои въ барышѣ получить. Да еще что! Случалось, что иной и умретъ, какъ этакія вѣдьмы вышвырнуть добраго молодца изъ балагана (*).»

— Станный обычай! Чудный обычай! — повторялъ дьячекъ. — Однако жъ что касается до работы: то и древніе то же дѣлали, на примѣръ: Іаковъ. Не знаю, былъ ли подобный обычай у другихъ народовъ, но помнится, что Тацитъ, говоря о нравахъ древнихъ Германцевъ, начинаетъ такъ....

«А не лучше ли такъ начать?» — перебилъ Фельдшеръ, принимаясь за кусокъ китоваго жира, на который Камчадалы уже устремились съ величайшимъ аппетитомъ.

Въ продолженіе стола, если можно назвать такимъ образомъ обѣдъ, происходившій на по-

(*) Балаганъ — лѣтняя юрта, которая строится на высокихъ столбахъ.

мость среди юрты, Камчадалы не забывали, послѣ каждаго куска, пить настойку мухомора, и постепенно приходили въ нѣкоторой родъ бѣшеннаго восторга. Судорожное сотрясеніе членовъ было первымъ дѣйствіемъ мухомора; потомъ веселыя или мрачныя представленія наполняли воображеніе пившихъ, и, смотря по тому, иные изъ нихъ сидѣли въ какомъ-то страшномъ отчаяніи, бросая вокругъ себя мутные и дикіе взоры, и прознося по временамъ, при внезапномъ трепетаніи всего тѣла, невнятные, безпокойные крики; напротивъ другіе пѣли веселыя, безпутныя пѣсни, и плясали, не помня сами себя. Сохранившіе болѣе прочихъ разсудка наблюдали и болѣе правильности въ пляскѣ, которая также переходила изъ одного рода въ другой, по мѣрѣ увеличенія веселости. Наконецъ, полупьяный Тенява, въ избыткѣ радости по случаю свадьбы, вымѣнявшій за нѣсколько самыхъ лучшихъ соболей нѣсколько небольшихъ чарокъ водки у вышеупомянутаго продавца, пошелъ плясать съ одною изъ женщинъ самый граціозный камчадалской танецъ, въ которомъ, дѣлая одинъ предъ другимъ страстныя тѣлодвиженія и ужимки, съ нѣжнѣйшимъ выраженіемъ, повторяли: Тенява — *бахіа, бахіа!* а дама

его: *хаца, хаца, хацина!* — Всѣ Камчадалы были въ восхищеніи отъ сей пляски, обнаруживая сіе невольными тѣлодвиженіями и частыми порывами на аван-сцену, и всѣ они, сытые и упоенные до-нельзя, плавали въ наслажденіи полномъ и неописанномъ.

Въ сіе время продавецъ водки, видя, что Камчадалы слишкомъ заняты были своими играми, и почти позабыли о немъ, вдругъ началъ укупоривать стоявшую подлѣ него флягу и дѣлать видъ, что хочетъ идти изъ юрты. Тенява первый примѣтилъ сіе, и, бросивъ пляску, схватилъ флягу обѣими руками, и усиленно убѣждалъ купца еще продать ему нѣсколько чарокъ.

«Ну, еще хоть одну чарочку, другъ! Пожалуй-ста дай!»

— Нѣтъ, нѣтъ, нельзя! Меня просилъ тоіонъ *Ганала* непременно къ нему заѣхать, а отъ него еще надобно проѣхать къ тоіону *Акету*, а оттуда....

«Ну, вотъ тебѣ, другъ, еще два соболя: дай одну чарочку.»

— Экой неотвязной! Нечего дѣлать! Такъ и быть: пей!

«Еще одну!»

— Нѣтъ, нѣтъ, ни за что въ свѣтъ! Теперь у меня водки наберется ли съ осмину, а если не останется, то *Ганала*, братъ, будетъ сердиться на меня. Прощай, прощай!

«Пожалуй-ста, другъ! Вотъ тебѣ четыре соболя...»

Такимъ образомъ чѣмъ больше продавецъ старался притворно дорожиться водкою, тѣмъ болѣе Камчадалъ наддаывалъ ему соболей. Между-тѣмъ продавецъ присоединялъ еще къ притворству и другой обманъ: фляга, въ которой была водка, раздѣлялась на двѣ половины: въ одной изъ нихъ была налита водка цѣльная, а въ другой разведенная водою. Покамѣстъ Камчадалъ могъ еще различать вкусъ, продавецъ наливалъ ему изъ перваго отдѣленія, а потомъ уже цѣдилъ изъ послѣдняго.

«Ахъ, братъ, Тарей! — сказалъ протопопъ сидѣвшему подлѣ него тоюну, довольно пожилону, хотя и крѣпкому еще старику — какъ это ты терпишь, что брата при твоихъ глазахъ обираютъ?»

— Какъ терпишь! — повторялъ съ примѣтною досадою тоюнь. — Чтожъ мнѣ дѣлать? И вижу, бачка, да молчу! Шангинъ любямецъ на-

чальника: онъ дѣлитъ все пополамъ съ нимъ, такъ смѣю ли я осердить его?

«Да что тутъ не смѣть?»

— Какъ это говорите вы, отецъ Петръ — возразилъ также сидѣвшій съ нимъ старикъ небольшого роста, съ плѣшивою головою, быстрыми, исполненными огня глазами и вообще съ умною физиономіею: это былъ нѣкто *Зуда*, переводившій для извѣстнаго *Юльинскаго* сочиненія *Махиавеля*, и по паденіи его сосланный въ Камчатку. — Какъ это вы говорите: что не смѣть? Развѣ вы не знаете *Антоня Григорьевича*? Да тронь-ка *Тарей Шангина*, такъ онъ задеретъ его до-смерти!

«Къ несчастію, это почти правда!» — сказалъ протопопъ, вздохнувши.

— Разумѣется, что правда! Злой начальникъ — продолжалъ *Зуда* — здѣсь все сдѣлать можеть, да и суда не скоро найдешь. Ужъ подлинно сказать: здѣсь до Бога высоко, до Царя далеко.»

«До Бога — возразилъ протопопъ — мы всегда не далеко! Помощь Его всегда готова!»

— Такъ, отецъ Петръ! Да отъ Царя-то далеко; а потому-то начальники здѣсь весьма скоро и забываются. Власть вдали отъ Престола

удивительно какъ соблазнительна! Чай, помните вы, какъ покойный охотской начальникъ Кохъ, говаривалъ: *на небо Богъ, а на землю Кохъ?*

«Какъ не знать! Я лично былъ знакомъ съ Кохомъ. Впрочемъ, онъ былъ человекъ весьма добрый.»

— Вотъ видите: онъ былъ и добрый человекъ, а какъ заѣхалъ въ Охотскъ, такъ ужъ выше себя ни кого не ставилъ! А, кажется, велика ли была птица? Всего коллежскій ассесоръ!

«А развѣ не бывало здѣсь — возразилъ протопопъ — и истинно добрыхъ начальниковъ, напримѣръ: хотъ покойникъ Нилувъ?»

— Безспорно, отецъ Петръ, бывали; но все худыхъ какъ-то больше навертывалось. Сначала, правда, всякой старается показаться хорошимъ, а тутъ и начнетъ кутить не въ свою голову: тѣмъ дальше, тѣмъ хуже, покаместъ не дойдетъ до намѣстника, да не спехнуть раба Божьяго съ мѣста.

«Что же дѣлать, Абрамъ Васильевичъ? Наша обязанность все-таки повиноваться. *«Повинитесь — сказано — убо всякому начальству Господа ради: аще Царю, яко преобладающу; аще ли Княземъ, аки отъ него посланнымъ,*

*«въ отмщєніе убо злодьямъ, въ похвалу же
«благодѣльцѣмъ.»*

— Вотъ-то и есть, отецъ Петръ! Царь, конечно, посылаетъ всякаго начальника съ этимъ благимъ намѣреніемъ, да они-то, къ несчастію, дѣлаютъ на оборотъ, и какъ заѣдутъ въ такую глушь, какъ, напримѣръ, здѣшняя благословенная земля, такъ ужъ и несутъ себя выше Ивана Великаго; ужъ никто не смѣй и подумать поступить противъ ихъ воли! Слышали вы, что случилось, мѣсяца съ два назадъ, съ засѣдателемъ Хапиловымъ?

«Что такое?»

— А то, что Хапиловъ подалъ по одному дѣлу миѣніе, несогласное съ волей Антона Григорьевича, такъ тотъ и приказалъ посадить его въ бочку, да спустить на воду.

«Отъ него все станется!» — говорилъ протопопъ, пожывая плечамн.

— Теперь разсудите: если съ чиновниками такъ поступаютъ, то гдѣ же бѣдный человѣкъ, какой-нибудь Камчадалъ, найдетъ защиту?

«А знаешь, Абрамъ Васильевичъ, пословицу: *страшенъ судъ, да милостивъ Богъ?* Я на него надѣюсь!»

— Это хорошо, отецъ Петръ; но я кстатѣ

напомню вамъ другую пословицу: *на Бога надѣйся, а самъ не плошай*. Почему бы вамъ не поговорить съ Антономъ Григорьевичемъ?

«Было говорено не разъ, Абрамъ Васильевичъ, и стороною, и прямо: все попусту! Тутъ какъ въ притчѣ сѣятеля, слова падаютъ въ терніе, и *възде терніе, и подави э, и плода не даде!*»

— А когда такъ — говорилъ Зуда, понизивъ голосъ — я бы на вашемъ мѣстѣ описалъ бы все начальству; кому же повѣрять, если не вамъ?»

— Абрамъ Васильевичъ! — сказалъ протопопъ также тихимъ голосомъ — я давно знакомъ съ тобою, такъ могу сказать тебѣ откровенно: я уже обо всемъ этомъ писалъ къ преосвященному; и хотя напередъ знаю, что мнѣ тутъ придется много вытерпѣть: меня могутъ очернить, оклеветать, взвести на меня то, что мнѣ и на умъ не впадало; но я сказалъ себѣ: да будетъ во *всемъ* воля Господня! Я не наемникъ, а пастырь своего стада, и Господь видитъ, что я *готовъ положить душу свою за овцы*.»

— Прекрасное чувство! — воскликнулъ Зуда съ жаромъ. — Благородное, истинно христї-

*

анское чувство! Ахъ, отецъ Петръ! я васъ уважалъ всегда, но теперь буду уважать еще во сто кратъ болѣе! Вы истинный благодѣтель Камчатки!»

«Но я увѣренъ, Абрамъ Васильевичъ — отвѣчалъ протопопъ — что если мнѣ и не удастся открыть истину, то все-таки, рано или поздно, она откроется. Зло таяться вѣчно не можетъ. Дойдетъ вѣсть до Государыни: тогда и нашъ праздникъ наступитъ!»

— Но тогда намъ врядъ ли уже увидѣтъ это время! — замѣтилъ Зуда. — Впрочемъ я о себѣ и не думаю; грустно только на другихъ смотрѣть. Вотъ скоро тридцать пять лѣтъ исполнится, какъ я живу въ *Кууюхченль*, и мнѣ весьма замѣтно, какъ народъ годъ-отъ-году все бѣднѣетъ да бѣднѣетъ.

«Да, правду сказать — подхватилъ тоюнь — ужъ и не въ мочь приходитъ! Вѣдь, легко ли? Каждый годъ собираютъ съ насъ для начальника по десяти соболей съ души, сверхъ царскаго ясака; да еще, если понесетъ куда-нибудь его нелегкая, такъ всѣхъ собакъ для него собьютъ да переморятъ, такъ что у инаго Камчадала ни одной собаки не останется послѣ его проѣзда, а безъ собакъ нашему брату, бачка, какъ жить?»

Ни выйти, ни выступить не куда! Сиди, склавши руки, да умирай съ голоду! Въ-конецъ разоряють, бачка, да и только!»

Ахъ, братъ Тарей! на начальниковъ жаловаться вы мастера, а не видите, что ваша гибель отъ невоздержности, да отъ пьянства: это братъ, губить вашихъ родовичей больше, чѣмъ всякіе поборы! Тамъ вы отдадите въ годъ десять соболей, а тутъ потеряете за разъ двадцать. Смотри-ка на брата! Ахъ, Господи, какъ грянулся! Вѣдь Шангинъ хоть до смерти радъ запоить!...

«Что жъ дѣлать, бачка? Я те сказалъ, что не смѣю.»

— Боже мой! — говорилъ протопопъ съ жаромъ неудовольствія, обращаясь къ Зуду — какъ бываютъ люди безчестны! Даже повѣрить трудно!

«Эй, Шангинъ!»

Фельдшеръ, хотя во все время разговора протопопа съ Зудю и тоіономъ откидывалъ ухо, дабы узнать содержаніе онаго, но когда протопопъ позвалъ его, притворился будто не слышитъ.

«Шангинъ!» повторилъ протопопъ.

— Что вамъ угодно, ваше высокоблагосло-

веніе? Извините, въ шуму-то ничего не слышно.

«Скажи пожалуй-ста, какъ не стыдно тебѣ пользоваться глупостію и простотою другаго? Вѣдь, ты называешься христіанномъ, а Христось, братъ, обманывать не велѣлъ!»

— Да кого же я обманывалъ?

«Послушай, Шангинъ! Не спорь со мною: отдай, по крайней мѣрѣ, половину изъ того, что ты выманилъ, да и убрайся съ Богомъ: съ тебя и того будетъ довольно!»

— Да помиуйте! Да что это, Господи Боже мой! Ужъ я свое добро отдавать стану! Вотъ тебѣ разъ! Вѣдь, я не украмъ у него: онъ самъ меня тащилъ да просилъ....

«Ну, если ты еще будешь со мной спорить, такъ я раскрою весь твой обманъ.»

— Да, пожалуй, раскрывайте, что знаете! Меня еще и самъ начальникъ обманщикомъ-то не называлъ! Еще я своими трудами живу! Да...

«Горячиться, любезный, не для чего! Лучше скажи-ка мнѣ: отъ-чего у твоей фляги два крана?»

— А вамъ какая надобность? Да что такое, Господи! Вотъ-те еще!

«Хорошо! Когда ты не хочешь сказать это-

го самъ, такъ я расскажу все. Послушай-те вы, Камчадалы! Вотъ васъ какъ обманываютъ....»

Протопопъ объяснилъ обманъ фельдшера. Камчадалы, выслушавъ его, какъ они ни кротки и ни миролюбивы, на сей разъ, противъ всякаго ожиданія, пришли въ ужасную ярость, и разбивъ въ дребезги флягу, принялись - было и за самага хозяина, такъ что обманъ его обошелся бы ему весьма дорого, если бы самъ же протопопъ не уговорилъ ихъ; однако жъ, не смотря на сіе заступленіе, фельдшеръ, выходя изъ юрты, кинулъ на своего защитника самый ужасный взоръ, и ворчалъ, стиснувъ зубы: «добро ты, сѣдая борода! Ты путемъ поплатишься со мною за свою штуку!»

V.

М И Ч М А И Т Ъ.

Шумъ, происшедшій при изгнаніи продавца водки, привлекъ въ юрту еще двухъ человѣкъ, до того времени прогуливавшихся по берегу моря. Одинъ изъ нихъ былъ юноша, довольно высокаго роста, статный и прекрасный собою, но примѣтно изнуренный болѣзнію; а другой—молодая, миловидная дѣвушка, по видимому не Русская и не Камчадалка: ибо къ правильнымъ, прелестнымъ чертамъ лица и большимъ чернымъ, огненнымъ глазамъ присоединялись смугловатый цвѣтъ и черные волосы. Узнавши о неважности происходившей ссоры, они опять принялись,

по видимому, за прерванный разговор, и, казалось, вовсе ничего не видѣли изъ окружающаго ихъ.

— Неужели вы не отыскали своихъ родителей, когда и выросли? — спросила дѣвушка съ глубочайшимъ участіемъ.

«Я не имѣлъ ни малѣйшей возможности этого сдѣлать. Въ воображеніи моемъ совершенно изгладился ихъ образъ, и самое похищеніе мое весьма слабо обрисовывается въ моемъ умѣ: видится, точно какъ въ сновидѣніи, какой-то праздникъ, такое множество народу, огромный садъ— и все это такъ сливается съ мечтою, что я почти самъ не знаю: сонъ ли это дѣйствительно, или существенность. Одна Марина могла сказать мнѣ объ этомъ; но она была сослана въ Сибирь, и сколько ни старался я, даже и въ нынѣшній проѣздъ мой, узнать, гдѣ она находится, ни какъ не могъ.»

— О какъ тяжело это слышать! — сказала дѣвушка, глубоко вздохнувъ. — Не знать: кто твой отецъ и мать! Ахъ, Боже мой! Можетъ быть, и они также васъ ищутъ и сокрушаются объ васъ!

«Что дѣлать, когда такъ угодно судьбѣ?»

— А за что же была сослана Марина? Вѣр-

но, открылся злодѣйской ея поступокъ съ вами?

«Нѣтъ, не за это; но Провидѣніе въ самомъ дѣлѣ употребило меня орудіемъ для наказанія ея. Сбѣвшисъ однажды съ настоящаго пути, человѣкъ обыкновенно переходитъ отъ одного преступленія къ другому; то же случилось и съ нею. Она свела дружбу съ шайкою воровъ, и исправляла должность ихъ шпиона, высматривая въ лавкахъ и домахъ: которые изъ нихъ богаче, и какъ лучше ихъ обокрасть. Съ этою цѣлію мы посѣщали съ нею одного богатаго помѣщика: это былъ, надобно вамъ сказать, заслуженный морякъ, человѣкъ умный и добрый. Онъ любилъ вообще дѣтей, и всякой разъ, когда я приходилъ къ нему съ Мариною, ласково разговаривалъ со мною, полюбилъ меня, и даже, наконецъ, просилъ Марину отдать ему меня, обѣщая сдѣлать меня счастливымъ. Марина, подъ разными предлогами, уклонялась отъ выполненія этой просьбы, и, какъ помню, жестоко била меня, когда я осмѣлился-было просить ее объ этомъ самъ...»

— Какая злая женщина! Боже мой! Я никогда не могла вообразить, чтобы люди могли быть такъ злы!

«А между-тѣмъ свѣтъ исполненъ подобными людьми, только-что скрывающимися подъ благовидною наружностію!»

— О! если такъ, то дай Богъ, чтобы я никогда не видала этого свѣта.

«Однакожь, Марія, свѣтъ не должно представлять вертепомъ разбойниковъ: между множествомъ злыхъ есть весьма много и людей добродѣтельныхъ. Я это испыталъ на себѣ, когда освободился изъ рукъ моей похитительницы...»

— Но какъ же вы освободились отъ нея?

«Въ одно время возвратившись съ Мариною отъ того помѣщика, о которомъ я говорилъ вамъ, я подслушалъ разговоръ ея съ разбойниками, которые совѣтовались съ нею: когда и какъ лучше ограбить этого добраго старика. У меня закипѣло сердце, потому-что (припишите это Провидѣнію, или чему хотите), не смотря на окружавшіе меня порочные примѣры, я сохранилъ непорочность сердца, и чувствовалъ величайшее отвращеніе и отъ Марины и отъ ея злыхъ сообщниковъ. Такимъ образомъ я рѣшался, во что бы-то ни стало, уведомить помѣщика о злодѣйскомъ умыслѣ противъ него, и, улучивъ случай, исполнилъ мое намѣреніе. Разбойники были переловлены; съ ними попала

и Марина. Я пересказалъ помѣщику мои подозрѣнія, что я не сынъ Марины, и онъ старался узнать отъ нея о моихъ родителяхъ; но, признавшись въ моемъ похищеніи, она, по какой-то непонятной ненависти къ нимъ, не хотѣла сказать объ нихъ ни слова, не смотря ни на убѣжденія, ни на угрозы. Тайна эта погибла вмѣстѣ съ нею.»

— Ахъ, Боже мой! какъ это ужасно! — воскликнула Марія.

«По крайней мѣрѣ — продолжалъ ея собесѣдникъ — это признаніе хотя не удовлетворяло вполне нашимъ желаніямъ, но послужило къ подтвержденію моихъ словъ, и помѣщикъ съ тѣхъ - поръ еще болѣе началъ заботиться обо мнѣ и, наконецъ, даже усыновилъ меня. И не только по названію, но и по удивительной, самой родительской вѣжной любви ко мнѣ, онъ дѣйствительно былъ для меня самый чадолубивый отецъ. Года проходили. Я вступилъ, по ходатайству его, въ морскую службу и получилъ наконецъ чинъ мичмана. Любимый начальниками и товарищами, я считалъ себя совершенно счастливымъ, и думалъ только о томъ, какъ бы быть вполне достойнымъ попеченій, оказанныхъ мнѣ моимъ благодѣтелемъ. Но въ сіе время я

вдругъ получаю печальную вѣсть, что онъ, проигравъ одну, совершенно правую со стороны его, тяжбу, лишился всего имѣнія и сдѣлался почти нищимъ. Я не могъ слышать о семъ равнодушно, и въ ту же минуту рѣшился пожертвовать для него всѣмъ тѣмъ, что только было въ моей власти; словомъ, пожертвовать собою. Я оставилъ службу, и нанялся у купеческой компаніи, съ тѣмъ, чтобы большую часть моего жалованья отдавали на содержаніе моего отца. Онъ умолялъ меня со слезами отказаться отъ сего; но дѣло было уже кончено, и намѣреніе мое твердо. Притомъ надобно сказать, какая-то непреодолимая судьба влекла меня въ эту страну, и можетъ быть (почему знать?), я найду здѣсь то счастье, котораго нѣтъ на землѣ ничего выше и которое въ другомъ мѣстѣ я искалъ бы напрасно....»

При семъ словѣ въ большихъ голубыхъ глазахъ юноши, устремленныхъ на его собесѣдницу, блеснулъ тотъ яркой, пламенный взоръ, которымъ душа, исполненная любовью, невольно высказываетъ иногда страстно любимому ея существу всю полноту и силу своихъ чувствованій.

«Ахъ! я ужъ просла васъ нѣсколько разъ—говорила дѣвушка съ самымъ непритворнымъ

равнодушіемъ — пожалуй-ста не смотрите на меня такъ: мнѣ, право, становится какъ будто чего-то стыдно, когда вы такъ пристально посмотрите на меня.»

— О милая! о невинная Марія! — думалъ юноша — можно ли видѣть тебя и не смотрѣть на тебя? однакожь, не смѣя произнести сихъ словъ, онъ помолчалъ нѣсколько времени и продолжалъ разсказъ:

— Трудно повѣрить — говорилъ онъ — отъ какой маловажной причины погибъ нашъ корабль!

«Отъ какой же это?»

— Прикащикъ компаніи пожалѣлъ заплатить печняку, клавшему на гальотѣ печь, одного рубля, и злодѣй, сказавъ: «хорошо! я сдѣлаю имъ такую печь, которую болѣе разу не истопятъ» — сдержалъ свое слово. Вы уже знаете остальное. Ахъ, Марія! вы дважды спасли мою жизнь: отъ моря и отъ болѣзни и, вѣрно, не захотите отнять ее у меня сами?...

«Ахъ! что это говорите вы? Боже! сохрани меня. Какъ это можно?»

— Есть, Марія, разные средства отнимать жизнь; напримѣръ, если вы скажете: я не люблю тебя....

«Нѣтъ, я этого не скажу, потому что я люблю васъ....»

Пусть тотъ, кто еще помнитъ свой первый разговоръ любви, дополнитъ въ своемъ воображеніи начатый выше и представитъ себѣ то сла-
дочайшее чувство, которымъ исполнилось сердце счастливаго юноши, услышавшаго толь не-
винное и толь неожиданное признаніе въ любви къ нему. Онъ ничего не видѣлъ и не слышалъ болѣе, и вся вселенная заключилась для него въ снхъ трехъ волшебныхъ словахъ: «я люблю васъ!»

Между-тѣмъ глаза ревности, отъ которыхъ не утанвается и самое сокровенное чувство любви, смотрѣли на него и на его подругу весьма зорко. Дьячекъ, съ которымъ мы уже познакомились въ предъидущихъ главахъ, не забывъ поцѣловаться нѣсколько разъ съ чаркою купца, хотя и былъ занятъ разговоромъ съ одною старою Камчадалкою, толкуя ей съ величайшимъ жаромъ: что такое называется существомъ абсолютнымъ, однако жъ поглядывалъ скося и на нашихъ любовниковъ, обуреваемыхъ такимъ образомъ двумя равносильными страстями.

«Вотъ видишь ты — говорилъ онъ — абсолютъ есть.... Экой каторожный! не успѣлъ

появиться, а ужъ и умѣлъ подладиться.... абсолютъ есть....

— Понимаю, понимаю, бачка! отвѣчала Камчадалка, перебивъ его рѣчь — обсолить да ѣсть. Вѣстимо что соленое лучше, да только соль-та здѣсь шибко дорога: шестьдесятъ рублей пудъ!

«Не то ты говоришь, старуха! — возразилъ дьячекъ съ неудовольствіемъ — Я тебѣ толкую о Богѣ, который у насъ, ученыхъ, называется: абсолютъ.»

— Вишь ты, какое мудреное прозвище дали! А у насъ такъ называютъ Бога просто: Кутха да и полно!

«Кутха! Это отъ-того.... Экой *варнакъ!* Глазамъ-то словно съѣсть хочеть!... Это отъ-того, что вы еще не озарены божественнымъ свѣтомъ философіи, которая уже давно отвергла старинное названіе: Богъ, и именуеть начало и причину всѣхъ вещей *primus motor*, существомъ абсолютнымъ.... Чортъ тебя вытащилъ изъ моря-то! Хоть бы тебя въ омутъ какой-нибудь обрушило!... существомъ абсолютнымъ, тетка! слышишь ты, или нѣтъ?»

Въ это время Камчадалка, не обращая вниманія на его слова, смотрѣла съ величайшимъ любопытствомъ и удивленіемъ, какъ одинъ изъ

Камчадаловъ выбрасывалъ въ *ночь*, съ помощью двухъ палокъ, по-камчадалски: *андроновъ*, потухшія головни, что у Камчадаловъ вообще почитается необходимымъ искусствомъ для ихъ щеголей и фанфароновъ, какъ у насъ французская кадрыль и т. п.

— Да что ты не слушаешь, тетка? — продолжалъ дьячекъ. — Куда ты глаза-то вытаращила? Вѣдь я тебѣ толкую о важнѣйшей истинѣ, а ты....

Въ это мгновеніе одна изъ выбрасываемыхъ головней задѣла о крышу, и отскочивъ отъ нея, ударила въ лобъ дьячка съ такою силою, что онъ упалъ съ-размаху навзничь. Пьяные Камчадалы, вмѣсто того, чтобы помогать ему, подняли хохотъ. Одинъ мичманъ бросился-было къ нему, но дьячекъ, опомнившись, оттолкнулъ его отъ себя, вскричавъ съ запальчивостію. «Не прикасайся ко мнѣ: я знаю, кто ты таковъ!» Мичманъ съ удивленіемъ взглянулъ на разсерженнаго дьячка, не понимая причины его гнѣва, и, бывъ совсѣмъ не въ томъ расположеніи, чтобы сердиться на кого бы то ни было, оставилъ его безъ отвѣта.

VI.

ПОКАЯНІЕ.

Между-тѣмъ, какъ длился описанный въ предъидущей главѣ разговоръ, плясавшіе Камчадалы, у концъ искуснѣйшимъ плясуномъ почитается тотъ, кто всѣхъ перепляшетъ, оспоривая другъ у друга пальму первенства, выбились наконецъ совершенно изъ силъ, приутихли и, разсѣвшись на нарахъ, начали дремать. Казалось, тихой, если не ангелъ, по-крайней-мѣрѣ, гамуль покрылъ ихъ своею куклянкою, и юрта стала отдыхать отъ шума, продолжавшагося нѣсколько часовъ сряду. Но вдругъ эта давно ожидаемая тишина была прервана проис-

шествіемъ, вмѣвшимъ комическое начало и самый трагическій конецъ.

Отецъ невѣсты, за непмѣніемъ водки послѣ купца, еще хватившій на - радостяхъ добрую порцію мухомора, совсѣмъ обезпамятѣлъ. Онъ лежалъ долгое время въ совершенномъ забытій среди юрты, и потомъ, блѣдный какъ смерть, съ мутными, испуганными глазами, вдругъ вскочилъ на ноги, и закричалъ изо всей силы: «Ай! ай! земля проваливается подо мною! пламень пышетъ изъ пропасти! адъ хочетъ меня проглотить живаго!... Куда мнѣ дѣваться? куда бѣжать?... вонъ они! вонъ!... вонъ! Кутха идетъ наравнѣ съ облаками и перешагиваетъ черезъ горы! Вонъ Пилучей несется на черной тучѣ и хочетъ ударить меня громовою стрѣлою! Чу! какъ закрутились подъ нимъ вихри и завывала буря! а вонъ и *Митгъ*, какъ огромный островъ, несется по морю и грозитъ мнѣ широкою пастью! А вонъ, вонъ и *Гаецъ* (*) утавилъ на меня изъ пропасти большіе глаза, какъ огненные сопки, и протянулъ ко мнѣ двѣ руки, какъ двѣ ливьяни! А сколько духовъ закопошилось и въ водѣ, и въ воздухѣ, и въ пла-

(*) Богъ ада.

мени! Хоть перебери пальцы всѣхъ Камчадаловъ, хоть всѣ волосы выдери у нихъ изъ головъ — все будетъ мало: нмѣ нѣтъ счету (*). И всѣ на меня сверкаютъ огненными глазами! и всѣ грозятъ мнѣ окровавленными *чекушами* (**)?... О боги и духи! помилуйте меня многогрѣшнаго! (Камчадалъ упалъ на колѣна). Помилуйте и пощадите! Я каюсь въ грѣхахъ моихъ: пилъ я, грѣшный, горячія воды, мылся ими и всходилъ на горѣлыя сопки; ссорился съ женой за кислую рыбу; отскабливалъ, окаянный, ножемъ снѣгъ съ камасовъ; точилъ, многогрѣшный, топоры и ножи въ дорогѣ, и даже — какъ осмѣлюсь и сказать это? — обдиралъ собакъ прежде наступленія великаго праздника: *грѣховъ очищенія* (***)! Пощадите меня и спасите!»

(*) Камчадалы считаютъ по пальцамъ, и когда переберутъ пальцы на рукахъ и ногахъ, тогда хватаются за волосы: это значитъ число несмѣтное.

(**) *Чекуша* — военное оружіе, состоящее изъ развилки, съ четырьмя рогами, насаженный на длинную палку.

(***) Праздникъ сей, по-камчадалски; *Чужлигезъ*, бываетъ въ ноябрѣ; почему мѣсяцъ сей

Произнося сіе, Камчадалъ упалъ ницъ и, ка-
заясь, не смѣлъ поднять головы. Однородцы
его, слушая его признаніе, произведенное дѣй-
ствіемъ мухомора, тихомолкомъ надрывались отъ
смѣха, какъ бы узнавъ о такихъ поступкахъ;
въ которыхъ добровольно не всякой покается.
Между-тѣмъ, смотря на нихъ, было еще труд-
нѣе, нежели имъ, удержаться, чтобы не захо-
хотать, и Зуда по характеру своему склонный
къ насмѣшкѣ, не могъ остаться безъ замѣчанія.
«Смотри пожалуй — говорилъ онъ съ улыб-
кою — какой злодѣй! Шутка ли, сколько про-
казъ надѣлалъ: чистилъ подошвы, да обдиралъ
собакъ! Врядъ ли, братъ, простить тебѣ это твой
Кутха, и не отшлепаешь порядкомъ лыжамъ!»

— Ахъ, Боже мой! — говорилъ протопопъ —
эти люди заслуживаютъ болѣе сожалѣнія, чѣмъ
ли насмѣшки.

называется тѣмъ же именемъ. Вообще Кам-
чадалы раздѣляютъ годъ на десять мѣсяцевъ,
не по измѣненіямъ Луны, но по роду своихъ
занятій, соответствующихъ извѣстному вре-
мени года и по другимъ отношеніямъ. Напри-
мѣръ: декабрь называютъ *Кукамлилинагъ*,
т. е. *отъ большихъ морозовъ лежатся тово-*
рища.

«А мнѣ такъ кажется — возразилъ съ важностію дьячекъ, тутъ же бывшій — что ни то-го, ни другаго.»

— О! когда вы говорите это — подхватилъ Зуда — то ужъ безъ сомнѣнія такъ. Но повѣдай же намъ высокую мысль твою, *vir excellens* (мужъ знаменитый).

«На вашу шутку — отвѣчалъ дьячекъ, любившій также иногда отпускать плоскія остро-ты, и особенно послѣ поцѣлуевъ съ чаркою — и я буду отвѣчать то же шуткою: ты рѣчешь, что я мужъ знаменитый!»

— Перестань, Степанычъ, кощунствовать — сказалъ протопопъ. — Ты знаешь: я не люблю этого. Если хочешь что сказать, говори, а дѣло съ бездѣльемъ не путай.

«Извините, не стану, отецъ Петръ! Я хотѣлъ сказать, что въ существѣ нѣтъ въ мірѣ ни добродѣтели, ни порока: все зависитъ отъ закона.»

— А я тебѣ на это скажу просто — гово-рилъ протопопъ — что ты врешь. Зло и до-бро въ мірѣ существуютъ искони, и законъ только указываетъ то и другое. Потому что и сказано: *грѣха не знахъ, точію закономъ. Слѣ-*

довательно: если законъ святъ, то и указанія его истинны; если же....

«Все такъ, конечно; но...»

— Полно ты со своимъ по....

«Ахъ, пожалуйста — переблѣ Зуда — не мѣшайте ему. Оканчивайте вашу премудрую рѣчь, оканчивайте господнѣ почтеннѣйшій, *Domine clementissime, honoratissime....*»

— Называйте меня, какъ хотите — отвѣчалъ дьячекъ, который, бывъ и безъ того въ разстроенномъ состояніи духа отъ прежняго происшествія, хотя и желалъ, какъ видѣли мы выше, отдѣлаться отъ Зуды шуткою, но не могъ выдержать вторичнаго нападенія — называйте меня, какъ хотите, но я вамъ скажу рѣшительно: что для васъ темнота и мракъ, то для меня яснѣе солнца; что я читалъ, того ужъ вамъ прочесть не удастся!

«Не спору съ вами, *Vir lectissime!* Я знаю, что вы всѣхъ умнѣе на свѣтѣ....»

— И безъ всякаго сомнѣнія.

При семъ словѣ Зуда захохоталъ отъ всей души, а дьячекъ, выйдя изъ себя и покраснѣвъ какъ ракъ, съ гнѣвомъ повторялъ ему: «да, да, умнѣе! смѣйся, сколько хочешь, а я....»

«Полно хвастать, Степанычъ! — сказала протопопъ. — Кто самъ себя возвышаетъ, того Богъ унизитъ. Знаешь, сказано: *смирись, да вознесется, а возносящійся смиренъ будетъ....*»

— Да помилуйте, отецъ Петръ, преобидно слушать этакія насмѣшки!

«Эхъ, братецъ! перестань! Онъ шутитъ, а ты изъ кожи лѣзешь! Смотри лучше, чѣмъ окончится эта комедія.»

Дьячекъ замолчалъ, но поглядывая изъ подлобья на Зуду, кажется, еще въ первый разъ отъ-роду употребилъ съ пользою познаніе свое древнихъ писателей, припоминая изъ нихъ разныя бранныя выраженія,

Въ продолженіе сихъ цитатъ Камчадалъ, разбираемый мухоморомъ, опять вскочилъ съ бѣшенствомъ на ноги, и вскричавъ: «мухоморъ мнѣ велѣлъ убить стараго попа, и перерѣзать всѣхъ Русскихъ» — выдернулъ изъ-за пояса ножъ, и кинулся на протопопа. Это было сдѣлано такъ неожиданно и такъ быстро, что всѣ, бывшіе въ юртѣ, можно сказать, едва только успѣли ахнуть, и Камчадалъ, схвативъ протопопа за грудь, занесъ на него ножъ. «Умри, попъ!» — вскричалъ онъ. Въ это мгновеніе

мичманъ, неустрашимый, ловкой и сильный, оправившись отъ перваго впечатлѣнія, быстро схватилъ убійцу за руку, и отбросилъ его съ невѣроятною силою на средину юрты. Протопопъ, сколь ни былъ въ душѣ готовъ умереть каждую минуту, но не могъ, однако-жъ, не почувствовать трепету, по слабости человѣческой природы. Пораженный изумленіемъ, онъ не успѣлъ еще сказать ничего мичману, какъ сей послѣдній кинулся на помощь Маріи, которая отъ ужаса упала въ обморокъ, продолжавшійся нѣсколько минутъ. Протопопъ не столько словами, какъ самымъ дружескимъ пожатіемъ руки выразилъ благодарность своему избавителю, и потомъ вмѣстѣ съ Зудою также началъ хлопотать около больной. Наконецъ, раскрывъ глаза, и какъ бы не довѣря своему зрѣнію, она спросила едва слышнымъ голосомъ: «дѣдушка! это вы ли?»

— Слава Господу Богу! я, моя милая! Вотъ мой защитникъ! (протопопъ указалъ на мичмана.) Онъ успѣлъ удержать ножъ, а то ужъ болѣе тебѣ не видать бы меня.

Яркой румянецъ двойкой радости покрылъ мгновенно блѣдныя щеки Маріи.

«Ахъ, любезный дѣдушка!...»

Она не могла ничего сказать болѣе и, цѣлуя руку дѣда, заливалась слезами. Старикъ самъ едва удерживался отъ слезъ, но перемогъ себя.

— О чемъ жѣ ты плачешь, моя милая? — спросилъ онъ Марію.

«Сама не знаю о чемъ; но сердце такъ и бьется во мнѣ, какъ будто выпрыгнуть хочетъ.»

— Успокойся, душа моя! и поблагодари лучше, во-первыхъ, Господа Бога, а во-вторыхъ....

«О Боже мой! ты видишь, что я чувствую....»

— А во-вторыхъ, Виктора Ивановича....

«Ахъ, перестаньте, ради Бога! — прервалъ мичманъ. — Можно ли поминать о такой малости? Если бы и тысячу разъ еще я спасъ вашу жизнь, и тогда все еще былъ бы у васъ въ долгу!...»

— Благородный человѣкъ! — говорилъ протопѣ, крѣпко обнявъ мичмана — не даромъ сердце мое полюбило тебя съ перваго взгляда: чѣмъ больше узнаю тебя, тѣмъ больше любить тебя начинаю....

«Точно, дѣдушка! — подхватила Марія — вы не ошибаетесь въ немъ; я сама люблю его болѣе себя.»

— Что ты говоришь это, дитя мое милое?

«Она говоритъ то, что чувствуетъ! — произнесъ съ жаромъ мичманъ. — И если безродный, оставленный всѣми, кромѣ Бога, спрота и бѣднякъ, можетъ, не обижая васъ, изъяснить свои чувства, то и я скажу вамъ: я люблю ее!»

— И ты тоже любишь меня! — вскричала съ восхищеніемъ Марія.

«Перестаньте, перестаньте, дѣти мои! — сказалъ протопопъ со слезами на глазахъ. — Теперь не мѣсто и не время говорить объ этомъ. Мой совѣтъ: молиться больше Богу, такъ все устроится по вашему желанію.»

Марія кинулась на шею къ своему дѣду, и обнимая его, твердила: «Любезный дѣдушка! милый дѣдушка!» Мичманъ, отъ избытка сердечной радости, не говорилъ ни слова, и только тоже порывался въ объятія старика. Вообще вся группа представляла эмблему счастья самаго чистаго, самаго свѣтлаго.

«Боже Всемогуцій! — думалъ Зуда, смотря на сію картину — сколь мало нужно человѣку,

чтобы быть истинно счастливымъ, и какъ много желаетъ онъ, чтобы достигнуть этого!»

Совершенно противныя мысли занимали дьячка. Онъ почти обезумѣлъ отъ всего случившагося предъ нимъ. Сперва, вытаращивъ глаза и разинувъ ротъ, онъ сидѣлъ въ смѣшномъ изумленіи, а потомъ, вскочивъ на ноги и выгѣзя проворно изъ юрты, произнесъ съ значительною миною: «Справедливо сказалъ ты, мудрѣйшій изъ людей, велемудрый Спиноза, что вселенная управляется случаемъ! Такъ и есть! Чѣмъ, на примѣръ, эта гадина лучше меня: умнѣе ли, ученѣе ли, ловчѣе ли, а вотъ подите: счастье, да и только!»

VI.

САМОУБІЙСТВО.

Безумствующій Камчадалъ, еще нѣсколько минутъ пролежалъ въ безпамятствѣ. — «Возмите его! — сказалъ протопопъ — и отнесите поскорѣе на нары: вишь, онъ совсѣмъ безъ чувствъ.» Но едва протопопъ сіе выговорилъ, какъ Камчадалъ, вскочивъ опять на ноги, завопилъ ужаснымъ гелосомъ: «Братъ! помни клятву, и поминай меня: вонъ стоитъ мухоморъ, и велить миѣ себя зарѣзать.» Съ сими словомъ онъ занесъ на себя ножъ. Всѣ бросились, чтобы удержать его, но онъ успѣлъ уже перерѣзать себѣ горло, и, обливаясь кровью, пока-

тыся по юртѣ. Протопопъ, Зуда, мичманъ и особенно Марія, были поражены симъ происшествіемъ; но Камчадалы, вообще мало дорожащіе жизнію и склонные къ самоубійству, смотрѣли на эту сцену весьма равнодушно, а жена самоубійцы и двѣ ея прислужницы, не показавъ ни малѣйшаго испуга, тотчасъ приняли извѣстныя имъ средства для его спасенія. Они обмыли рану, опутали больного ремнями, и потомъ прислужницы стали подлѣ него съ *андронами*, дабы отгонять имъ смерть, а жена, между-тѣмъ, помѣстившись позади его, шептала надъ нимъ разные наговоры, также для отогнанія смерти; однако-жъ ни палки, ни наговоры не испугали старой хрычевки, и, откуда ни взявшись, она утащила, по обыкновенію, свою жертву въ извѣстное одной ей мѣсто. Кончина сего несчастнаго также произвела больше впечатлѣнія на нашихъ путешественниковъ, нежели на его родичей и родственниковъ, которые, увидѣвъ, что онъ уже умеръ, прервнодушно навязали веревку ему на шею, вытащили его изъ юрты, и бросили около нея, какъ вещь уже отжившую свой вѣкъ и ни на что болѣе непригодную.

— Вотъ самое Диогеновское погребеніе! — сказалъ *Зуда*, обращаясь къ протопопу. — Ка-

жется, хуже нельзя пожелать и величайшему тирану, какого могъ бы только вообразить хотя бы самъ Махиавель.

«Ахъ, Абрамъ Васильевичъ! — говорилъ протопопъ — какъ ты можешь шутить надъ этимъ? А у меня-такъ сердце обливается кровью, когда смотрю на это несчастное заблужденіе.»

— Вотъ! заблужденіе! Напротивъ, ничего не можетъ быть лучшаго. Такъ ли, братъ, Тарей?

«И конечно такъ, бачка! — подхватилъ той-онъ. — Кого съѣдятъ собаки, тотъ самъ будетъ на томъ свѣтѣ ѣздить на добрыхъ собакахъ.»

— Полно, братецъ! — возразилъ протопопъ — какъ тебѣ не стыдно вѣрять такому вздору? Пора вамъ отстать отъ него! Ты самъ видишь, до чего вы доходите! и сколько я разъ твердилъ объ этомъ: быть худу! Незнаніе истинной вѣры ведетъ васъ отъ порока къ пороку, отъ зла ко злу. Помяните мое слово: настанетъ то время, когда гибель постигнетъ весь родъ вашъ за невѣріе ваше; опустѣютъ ваши острожки, и травой заростутъ юрты....

«За что же, бачка, страшаясь насъ?»

— Нѣтъ, я не страшая васъ, но говорю истину: это должно непременно послѣдовать въ

наказаніе за ваше невоздержаніе, за непемѣрное пьянство и сладострастіе. Но еще вы имѣете время отвратить это зло. Признайте исповѣдуемаго мною Бога, и вы избегните гибели....

«И рады бы, бачка, да боимся; вишь у васъ послѣ смерти будутъ людей мучить, а у насъ нѣтъ!»

— Но кто же увѣрилъ васъ въ этомъ?

«Какъ кто? Самъ Гаечъ, сынъ Кутхи, все это говорилъ еще отцамъ нашимъ! Вишь, когда онъ умеръ, то и захотѣлъ, чтобы все, что видѣлъ на тамошнемъ свѣтѣ, рассказать своимъ *родовичамъ*: вотъ пришелъ съ того свѣта, да и рассказалъ все.»

— Что же все? — спросилъ Зуда.

«Всего припомнить нельзя, а вотъ, примѣрно сказать, о свѣтѣ: что ему конца нѣтъ; о душахъ: что они когда-нибудь оживутъ вмѣстѣ съ тѣломъ, и также станутъ работать, только съ той разницею, что тогда будетъ уже во всемъ изобиліе: и въ звѣряхъ и въ рыбѣ, и въ *толкушъ* (*), и въ соли, слышь, во всемъ, во всемъ.»

(*) Самое любимое камчадалское кушанье: смѣсь ягодъ съ иврою.

— Стало быть, и звѣри, и рыба тоже тамъ будутъ?

«Вѣстимо! Слышь до послѣдней мухи все оживеть.»

— Ахъ, Господи! — говорилъ протопопъ, вздыхая — какъ трудно человѣка, единожды заблудшаго, обратить опять на путь истины!

«Но замѣтите, отецъ Петръ — сказалъ Зу-да — что важнѣйшія истины человѣчества не чужды и для самыхъ грубыхъ народовъ. Очистите отъ камчадалской религін всѣ вздорныя и пустыя мнѣнія, и что-же останется? Бытіе Бога, безсмертіе души, будущая жизнь!»

— Такъ, это правда! Но что въ этомъ пользы, когда все это заглушено разными нелѣпостями? Безъ вѣры Христовой всѣ эти истины такъ же мало свѣтятъ, какъ звѣзды въ ненастную ночь.

Эхъ бачка! — подхватилъ тоіонъ — наши дѣды и прадѣды прожили безъ вашей вѣры, такъ и мы прожить можемъ!

Такъ, проживете; но ваша жизнь главная не здѣсь, а по смерти.

«Такъ что же? Вѣдь я те сказалъ, что и мы оживемъ по смерти.»

— А послушай-ка, господинъ Тарей! — спросилъ вдругъ *Зуда*: — когда вы всё оживете по смерти, то будете ли отвѣчать за прежніе грѣхи? Напримѣръ, если кто не сдержитъ клятвы....

«По-нашему: всякой за свои грѣхи [здѣсь оттерпится — клятвы ли не сдержитъ, или что другое сдѣлаеть.»

— А ты думаешь ли сдержать ту клятву, которую далъ брату? — спросилъ протопопъ, съ намѣреніемъ надоумленный *Зудю*.

«Какую клятву, бачка? — отвѣчалъ тоіонъ, не смутясь ни мало. — Онъ все пустяки вралъ: вишь мухоморъ-то въ немъ шибко расходился.»

— Дай Богъ, чтобъ такъ и было! — сказалъ протопопъ. — Но если вы затѣяли что недоброе, то сами будете послѣ раскаяваться. Знаешь, Русской народъ силенъ.

«Знаю, знаю, бачка! но вѣдь и ты меня знаешь не первой годъ; стану ли я затѣвать что не по своимъ силамъ? Развѣ я съ ума сойду! Одно только, что мы всѣмъ острожкомъ положили: не давать ничего сверхъ царскаго яска.»

— Ну, это дѣло другое: за это васъ ни кто повинить не можетъ; а если вы затѣяли что

то я скажу тебѣ напередъ: *пріемшій ножъ ножемъ погибнетъ*, т. е. кто возьмется за ножъ, тотъ и погибнетъ отъ ножа.

«Я, бачка, сказалъ правду.»

— Ну я вѣрю тебѣ; повѣрь же и ты словамъ моимъ, что если хотите быть счастливыми въ семь вѣкъ и будущемъ, то одно средство: сдѣлаться Христіанномъ.

Протопопъ объяснилъ присемъ всю святость Христіанской вѣры, и всѣ безконечныя блага, отъ нея проистекающія; но всѣ его слова падали на самую каменистую почву, и той оны весьма равнодушно отвѣчалъ:

«Хорошо, хорошо, бачка, дай подумать, авось!»

— Это я отъ тебя слышу не въ первый разъ; но дѣлать нечего! Будь во всемъ воля Господня! Знать: *не убо пришелъ часъ твой!*

«А кажется, уже давно пришелъ часъ — подхватилъ Зуда — чтобы всѣмъ намъ ложиться спать?»

— Ахъ, Абрамъ Васильевичъ! Ты до старости все ребенокъ!.... Но въ самомъ дѣлѣ пора ложиться. Эй, Лемшинга! Камакъ! завтра чѣмъ свѣтъ приготавлиайте собакъ: нашъ больной, слава Богу! поправился, такъ время ужъ и отправляться въ дорогу.

Всѣ, наконецъ, заснули. Въ юртѣ стало тихо, какъ въ могилѣ. Не спалось лишь одной Маріи; избытокъ радостныхъ ощущеній не давалъ ей сомкнуть глазъ.

Душа ея была полна того чистаго, небеснаго восторга, который доступенъ только въ первыхъ минутахъ любви для непорочнаго сердца, в который есть, можетъ быть, хотя слабый, неясный, но вѣрный очеркъ блаженства, обещаемаго намъ вѣчностію. Носясь воображеніемъ въ прекрасной, прелестной дали будущаго, Марія перелетала съ мечты на мечту, и одна другою казалась ей сладостнѣе и милѣе. Напрасно, наконецъ, хотѣла она забыться сномъ: голова ея пылала и сердце билось, какъ въ сильной горячкѣ. По тщетномъ и долгомъ усліи, она встала и вышла потихоньку изъ юрты. Ночь была ясная. Огромный, усталый шаръ луны величественно спускался въ бездны моря, и ряды дремлющихъ волпъ, какъ бы не желая разстаться съ его ласковымъ свѣтомъ, тихо катились на западъ, волна за волною, и, наконецъ, исчезли въ озаренномъ имъ пространствѣ. Хоры звѣздъ столь же тихо и мирно текли по небу. Марія казалось, что все дышало спокойствіемъ, мромъ и любовію; все такъ ласково привѣт-

Ствовало еѣ: и луна, и звѣзды, и волны; все такъ ясно и внятно, казалось, говорило ей: «Счастливая Марія! онъ твой! Онъ тебя любить!» Подобныхъ мигутокъ, когда восторженному юному сердцу кажется весь міръ такъ прекрасенъ, такъ исполненъ блаженства, описать невозможно: ихъ можно только привести на память тому, кто нѣкогда имъ наслаждался. Прислонившись къ камню на берегу моря, Марія долго оставалась въ семъ положеніи; мысли ея разбѣгались за волнами, и она, наконецъ, ничего не думала: оставалось одно неясное, но сладостное ощущеніе любви, которое наполняло ея сердце.

— О чемъ вы такъ задумались? — спросилъ Марію тихо подошедшій къ ней мичманъ, который не могъ также заснуть, волнуемый происшествіями дня.

«Ахъ, это вы! — вскрикнула Марія, какъ бы вдругъ проснувшись отъ сна. — Я думала о многомъ, о многомъ, думала о себѣ, о васъ....»

— И обо мнѣ? Что же вы думали обо мнѣ?

«Я думала, какъ буду я счастлива....»

— Со мною? О Марія! Такъ, ты будешь счастлива! Ты будешь счастлива, милая Марія!

Въ это мгновеніе закатывавшаяся луна, вѣр-

ный другъ и благотворное божество любовниковъ, подернулась легкимъ туманомъ, какъ бы не желая смотрѣть на обманчивое блаженство двухъ милыхъ существъ, готорыхъ мечты и упованія не могли сбыться въ будущемъ; и когда она опять показалась изъ-за облака, то какъ будто для того только, чтобы освѣтить на ближнемъ пригоркѣ двѣ человѣческія фигуры, которыя, въ знакъ какого-то взаимнаго условія, схлопнули рука въ руку, и разошлись поспѣшно въ разныя стороны. Появленіе ихъ произвело въ душахъ нашихъ любовниковъ весьма страшный и быстрый переворотъ. Оба они были обданы какимъ-то удивительнымъ страхомъ, точно такъ, какъ бы увидѣли бесѣду злыхъ духовъ, сговаривавшихся о ихъ гибели. Но что же значилъ сей страхъ? Было ли это предчувствіе сердца, сіе неисповѣдимое свойство его предугадывать несчастія, еще таящіяся въ нѣдрахъ времени; или обыкновенное опасеніе, всегда сопровождающее людей, стоящихъ на верху счастья? Какъ бы то ни было, Викторъ и Марія долго не могли успокоиться; но мало-помалу дѣйствіе сего папическаго страха начало утихать, волны опасенія улеглись въ душѣ, и опять блаженство любви наполнило добрыя, не-

ВИННЫЯ И ПЫЛКІЯ сердца двухъ счастливецъ: тогда они начали сами шутить надъ собою, и весело разговаривая и смѣясь, не примѣтили, какъ луна, совершившая свой кругъ, спустилась на лоно плескавшихся около нея волнъ, звѣзды удалились одна за другою въ безмятежную обитель неба, и царь вселенныя возсталъ во всемъ великолѣпнѣ своемъ изъ-за вершинъ отдаленныхъ хребтовъ.

VIII.

ПЫГАНКА.

Кто не знаетъ Авачинской губы, сей первѣйшей гавани въ цѣломъ свѣтѣ, образованной самою природою, и могущей вмѣститъ соединенные флоты всей вселенной? Эта гавань сливается еще съ тремя меньшими: *Раковой*, *Тарпинской* и *Петропавловской*, получившей сіе названіе отъ кораблей: *Петра* и *Павла*, посѣщавшихъ ее во время экспедиціи знаменитаго Беринга. Гавань Петропавловская лежитъ въ сѣверной части Авачинской губы, отдѣляясь отъ нея съ запада гористымъ полуостровомъ, а съ востока клинообразною узкою косою, по-свбир-

ски: *кошкою*. Частію на сей кошкѣ и частію на сѣверномъ берегу гавани расположенъ острожекъ *Петропавловскъ*, имѣвшій въ описываемое нами время домовъ не болѣе двѣнадцати, нѣскольکو балагановъ и деревянную церковь. Лучшими зданіями считались дома начальника и протопопа, пріѣзжавшихъ сюда на время; прочіе были, въ истинномъ значеніи сего слова, хижины, тутъ идѣ разбросанныя. Такимъ образомъ видъ сего бѣднаго селенія, закинутаго на край земли и отдѣленнаго пустынями и морями отъ образованнаго міра, наводилъ на сердце мыслящаго обитателя невольную скуку и грусть. Окрестности его столь же мрачны и печальны, хотя и величественны. Съ одной стороны море, съ другой ужасныя горы: *Стрѣлочная*, *Авачинская* и другія, или покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ, или вѣчно дымящіяся. Это грозныя шатры, затопленные всемогущею рукою природы и, можетъ быть, разгорающіеся на день суда!

Но нужно ли объяснять, что взглядъ нашъ на природу совершенно зависеть отъ состоянія нашей души? Такъ, напримѣръ, счастливому мичману и нашей Камчадалкѣ, прогуливавшемуся въ одинъ ясный декабрьскій день по тро-

пикѣ, протоптанной на косогорѣ, ведущемъ на конку, казалось, что нигдѣ въ свѣтѣ не лѣзя найдти картины, прелестнѣйшей и живописнѣйшей. Въ сіе время лучи полдневнаго солнца скользили по льдистымъ вершинамъ сопокъ и отражались въ миллионахъ алмазныхъ звѣздъ, разсыпанныхъ по бѣлому пологу снѣга, раскинутому на горахъ и долинахъ вокругъ огромнаго зеркала, образовавшагося изъ чистой и гладкой поверхности замерзшаго залива. Холодъ былъ самый умѣренный (*) и болѣе пріятный, нежели ощутительный. Воздухъ чистый и проливавшій съ дыханіемъ самую усладительную свѣжесть. Прибавьте къ этому неизъяснимый восторгъ первой любви, очаровательную сладость надеждъ на будущее блаженство, близость милаго, обожаемаго предмета—и вы повѣрите, что наши любовники не могли ни желать, ни вообразить лучшаго мѣста. Разговоръ ихъ въ продолженіе прогулки перебѣгалъ съ предмета на предметъ, хотя и кружился около одного центра, и этотъ центръ былъ — любовь. Они то терялись въ будущемъ, то возвращались въ

(*) Климатъ петропавловскій нѣсколько сходенъ съ петербургскимъ. Морозъ рѣдко простирается такъ выше 22 гр. по Реомюру.

прошедшее. Наконецъ, вспоминая съ чувствомъ, вмѣстѣ и ужаснымъ и сладкимъ, подробности избавленія, мичманъ сказалъ Маріи: «Тотчасъ по пріѣздѣ нашемъ сюда, я старался узнать о женѣ великодушнаго матроса, и мнѣ сказывали, что она живетъ вонъ въ этой хижинѣ, подлѣ перваго балагана на кошкѣ. Не хочешь ли, Марія, зайти вмѣстѣ со мной теперь къ этой женщинѣ?»

— О! я сама давно желаю видѣть ее, чтобы помочь ей, чѣмъ только въ состояніи. Впрочемъ мало и самой жизни моей, чтобы заплатить достойно за подвигъ ея мужа: онъ подарилъ мнѣ тебя.

«Скажи лучше: онъ сохранилъ мнѣ жизнь, чтобы я узналъ всю ея цѣну, узнавши тебя, мою милую, мою великодушную избавительницу.»

Въ семь сладкомъ состояніи духа мичманъ и Марія отворили дверь въ хижину. Тутъ жила бѣдность со всѣми своими ужасами: голодомъ, холодомъ и нечистотою. Двое ребятишекъ укрывались отъ стужи на печи, бывъ почти нагіе. Въ углу, подлѣ стола, у окошка, заткнутаго льдиною, стояла женщина, высокаго роста, сухощавая, съ большими черными глазами, съ смуглымъ, мрачнымъ лицомъ, и вообще съ цы-

ганскою фізіономією. Она держала въ рукахъ *струганину* (*), и съ великою бранью бросала куски голоднымъ ребятамъ, хватавшимъ ихъ съ жадностію собакъ. «Чтобъ вамъ околѣть, негодные! — говорила она стиснувши зубы. — И то все сожрали, а еще просите! Гдѣ жъ мнѣ взять? Отець-то вашъ поѣхалъ, да мнѣ ничего не оставилъ, а теперь сталъ чорту баранъ! Добывай сама, какъ умѣешь! Перестайте, окалянные; не то пырну ножемъ, такъ уйметесь, дьяволы!»

— Не стыдно ли такъ бранить своихъ дѣтей, тетка? — сказалъ мичманъ, вошедшій во время ея монолога въ хижину.

Цыганка обернулась къ дверямъ, и съ примѣтнымъ изумленіемъ сверкнула глазами на мичмана, который также показалъ видъ величайшаго удивленія и даже испуга.

— Что я вижу? — вскричалъ онъ. — Это ты, Марина?

«Какая, батюшка, я Марина? — отвѣчала Цыганка, мгновенно прпнявъ на себя видъ самаго искренняго смиренія и стараясь говорить самымъ простодушнымъ языкомъ. — Извольте

(*) *Струганина* — мерзлая рыба, которую стругаютъ ножомъ и ѣдятъ сырую.

спросить барышню: она знаетъ меня. Я мѣщанка Караулова, Аграфена.»

— Да, это правда — сказала Марія.

«Чего же испугалась ты?» — спросилъ мичманъ.

— Да вышь вы, ваше благородіе, изволили вдругъ зайти, а мое-то дѣло сиротское: недавно лишилась мужа; дѣти малъ-мала меньше.

«Я зналъ твоего мужа. Онъ мнѣ спасъ жизнь, и я пришелъ оказать тебѣ помощь. Вотъ возьми это на первый разъ, а потомъ, когда выйдутъ эти деньги, опять проходи ко мнѣ.»

— Благодарствую батюшка, ваше благородіе! — воскликнула женщина, упавъ въ ноги мичману, и рыдая съ великимъ искусствомъ. — Благодарствую, мой кормилецъ! Господь, Царь Небесный наградитъ тебя, что ты меня, горькую сироту, не забылъ! И тебя не забудетъ Господь ни въ семь вѣкъ, ни въ будущемъ!

«Ахъ, полно плакать, Караулица!» — сказала Марія, у которой также показались на глазахъ слезы.

— Какъ же не плакать и не рыдать мнѣ, ангелочекъ ты мой, когда нашлись такіе добрые люди, какихъ здѣсь и слыхомъ не слыхано! Вотъ я здѣсь десятой годочекъ выживаю, извѣ-

стно вамъ, а кто призирагь меня, горемышную, кромѣ вашего дѣдушки? — Дай Господи ему доброе здоровье! — А то нѣтъ, и кусочка, не жди ни откуда, а вѣдь, бывало, мой-то заѣдетъ въ море, такъ по цѣлому году и глазъ не увидишь!

«Гдѣ же онъ женился на тебѣ?» — спросилъ мичманъ, желая узнать ея происхожденіе.

— Въ Иркутскѣ, мой родимый, въ Иркутскѣ. Вишь, батюшка мой былъ тамошній казакъ Почекунинъ. Мой-то жилъ тогда еще исправно; присватался; батюшка позарился, да и отдалъ меня за него, а онъ и спейся! Пилъ, пилъ, да подъ конецъ и нанялся въ компанію. Что дѣлать? Принуждена была ѣхать сюда вѣкъ коротать!

«А желала ли бы ты воротиться въ Иркутскъ?»

— Ни што, мой кормилецъ, какъ бы не желать!

«Ну такъ я постараюсь объ этомъ....»

— Ахъ ты, родимый мой! — вскричала Цыганка, опять кинувшись въ ноги. — Дай тебѣ, Господи! Награди тебя Господи!

«Ну хорошо, хорошо! Прощай.»

По выходѣ изъ хижины мичмана и Маріи, Цыганка опять приняла на себя мрачный видъ;

сѣла подлѣ стола, и подперши рукою голову, погрузилась въ глубокую думу, прерывая изрѣдка молчаніе отрывистыми восклицаніями: «Такъ, это онъ! Вотъ судьба!.... Для него мой пьяница отдалъ жизнь, для этого бестія, котораго отецъ, который самъ былъ причиною моей ссылки!.... Такъ нѣтъ же, злая судьба! Я пойду на-перекоръ тебѣ; не дамъ смѣяться тебѣ надо мною!... Ядъ и ножъ! вы еще остались у меня! вы еще при мнѣ, мои вѣрные товарищи съ того ненавистнаго дня, какъ люди заставили меня таскаться по свѣту!...» Цыганка, разгораясь болѣе и болѣе, пришла, наконецъ, въ совершенное бѣшенство. «Меня обезчестили—вопіяла она съ величайшею яростію—меня обманули, наругались надо мною, меня гнали изъ мѣста въ мѣсто, терзали, мучили, кровь мою пили. И ты, злодѣй, и твой проклятый выродокъ были всѣму причиною!... Теперь ваша очередь наступила; теперь пришло время мнѣ потѣшиться надъ вами; теперь вы попали въ мои руки: гибните же, окаянные?»

Дѣти цыганки, приведенныя въ испугъ ея бѣшенствомъ, вскочивъ съ печи, полѣзли къ ней. «Матушка, матушка! что ты сердисься? На кого ты сердисься!»

— А, дьяволы! вы хотите меня умилювить? Нѣтъ вамъ пощады!»

Она махнула наотмочь пожемь, и два сына ея, облитые кровью, упали къ ея ногамъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ вышаль и ножъ изъ ея рукъ. Она сѣла на скамью, какъ будто пришла въ себя, и, устремивъ страшные взоры на лежавшіе предъ нею трупы дѣтей, захохотала отчаяннымъ смѣхомъ: «Ха, ха, ха! Вотъ еще штука!.... Такъ я зарѣзала своихъ дѣтей! Это ты, господишъ дьяволъ, подшутилъ надо мною! Тебѣ все хочется моей души? Возьми, братъ, ее: она твоя; но у меня еще есть на землѣ отрада!.... Однако жъ прибрать трупы. Миѣ не впервые хоронить ихъ, и для меня все равно теперь кого ни похоронить!.... Лежите, дѣти! Теперь вы будете и сыты, и теплы, и одѣты: чего же вамъ болѣе? Хорошо, что у васъ такая добрая мать!» Она подняла половцу, и выкопавъ яму, положила въ нѣхъ оба трупа, завернувъ ихъ въ рогожу. «Не прочтатъ ли молитву? Вѣдь, говорилъ: эта глупая барыня, у которой я жила съ дѣтства, окрестила меня.... Ха ха ха! Все пустое!»

«Спите, трупы! Подъ землею
Сонъ спокоешъ и глубокъ!
Ни съ напастью, ни съ бѣдою
Незнакомъ вашъ уголокъ.»

«Мать сыра земля защита
Вамъ огнь снѣга, огнь дождя ;
Ею ваша грудь закрыва
Огнь снѣга и огнь ножа.»

«И не встрѣпятъ ваши очи
Взглядъ кровавый палачей,
И подъ мракомъ бурной ночи
Не подкрадешся злодѣй!»

«Спитте, шруны! Подъ землею
Сонъ спокоешь и глубокъ ;
Ни съ напастью, ни съ бѣдою
Незнакомъ вамъ уголенъ!»

Прогнѣвъ сію гнѣсну дикимъ, нечеловѣческимъ
голосомъ, дыганка опустила попрежнему поло-
вицу, и, потерши рукою лобъ, сказала весьма
спокойно: «Ну! дѣло кончено! Утонули, да и
только! Пусть ищетъ, кто хочетъ!»

Между-тѣмъ мичманъ и Марія хотя возвра-
щались тою же тропинкою, но уже не съ преж-
нимъ удовольствіемъ смотрѣли на окружавшую
ихъ великолѣпную картину. Странное и близкое
сходство Аграфены съ Маринною возобновило въ
душѣ мичмана уснувшую тоску о потерянныхъ
имъ родителяхъ. Марія, смотря на его задум-
чивость, также приуныла. Долго они шли, но

прерывая молчанія; наконецъ мичманъ спросилъ Марію: «Я думаю, жизнь этой женщины совершенно извѣстна здѣсь?»

— Извѣстно только то — отвѣчала Марія — что она пріѣзжая, и что точно дочь какого-то мѣщанина, по крайней мѣрѣ, такъ сказывалъ и покойной мужъ ея. Говорятъ также, что она съ мужемъ своимъ жила весьма дурно; что она женщина весьма хитрая; что почти никогда не ходитъ въ церковь, и слыветъ колдуньей. Мнѣ въ дѣтствѣ такъ много наговорили объ ней, что и теперь еще, при встрѣчѣ съ нею, какъ будто раждается у меня въ душѣ какое-то темное предчувствіе....

«Можно ли, Марія, вѣрить мечтамъ дѣтства? Ты, слава Богу! не испытала бѣдности, и не знаешь ея пагубныхъ слѣдствій: она портитъ иногда самое доброе сердце. Я увѣренъ, что если постараться — что я непременно и сдѣлаю — если постараться улучшить состояніе Карауловой, то о ней заговорятъ совсѣмъ другое. Та глубокая чувствительность, съ которою она приняла самое маленькое одолженіе, показываетъ, что сердце ея способно чувствовать добро, и это-то совершенно увѣрило меня, что сходство ея съ Маріною есть только игра случая.»

— Пусть такъ будетъ, Викторъ, но все я прошу тебя: будь съ нею осторожниѣе. Моя покровительница, помню я, говорила мнѣ однажды, что точно иногда сердце предчувствуетъ будущее несчастье.

«Это правда! — сказалъ съ улыбкою мичманъ, стараясь принять на себя веселый видъ. — Я самъ въ эту минуту имѣю самое вѣрное предчувствіе....»

— Какое же?

«Что мы опоздаемъ къ обѣду и что нмянникъ нашъ, Антонъ Григорьевичъ, будетъ на насъ сердиться...»

— Ну, это предчувствіе еще не такъ страшно; однако жъ въ самомъ дѣлѣ успѣшимъ, потому что Ольга Павловна, вѣрно, уже дожидается насъ.

«Ахъ, Марія! какъ мнѣ нравится эта прекрасная дама!»

— Но когда ты, Викторъ, болѣе познакомишься съ нею, то еще болѣе будешь любить ее. Это сущій ангелъ!»

«И потому еще долженъ я любить ее — сказалъ мичманъ, сжимая руку Маріи — что она воспитала для меня другаго ангела.»

— Нѣтъ, Викторъ! Я только тогда могла бы

называться снмъ именемъ, когда бы походила на нея во всемъ. Ты бы посмотрѣлъ, съ какимъ участіемъ она слушала дѣдушку, когда онъ просилъ у ней согласія на нашу свадьбу! Съ какимъ вниманіемъ разспрашивала она о тебѣ, и съ какою нѣжностію обняла меня и сказала:» Машенька! я не препятствую тебѣ. Дай Богъ, чтобы сердце твое тебя не обмануло! Признаюсь: твой женихъ и мнѣ понравился съ перваго взгляда. Будьте счастливы: онъ тобой, а ты имъ!

«Это прекрасное желаніе уже исполняется—говорилъ мичманъ. — Ахъ, Марія! есть ли на свѣтѣ человѣкъ счастливѣе меня?»

— Есть, и это я!—сказала Марія, взглянувъ на своего любовника со всею пламенностію страсти.

Говоря сіе, они подошли къ дому начальника и вошли на крыльцо.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

	<i>стр.</i>
I. Новый метафизикъ.....	7
II. Истинный пастырь.....	22
III. Буря.....	36
IV. Камчадалская свадьба.....	53
V. Мичманъ.....	70
VI. Покаяніе.....	80
VII. Самоубійство.....	91
VIII. Цыганка.....	102

